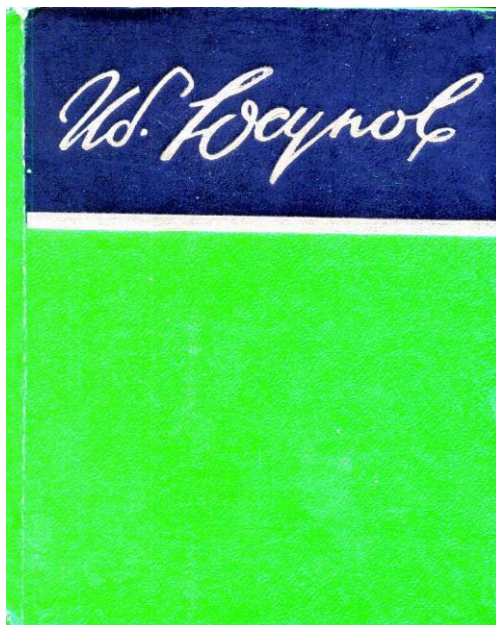

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

(БСП)

Редакционная коллегия: И.Л.Гринберг, М.К.Луконин,
С.С.Наровчатов, Л.Н.Новиченко, В.О.Перцов.

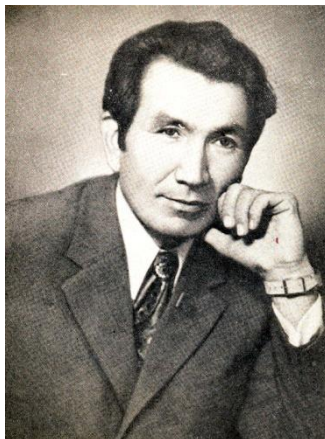

ИБРАГИМ ЮСУПОВ

Стихи

Перевод с каракалпакского

Москва
«Художественная литература»
1976

О СЕБЕ

Подобно тому как человек не помнит дня своего появления на свет, так и поэт впоследствии не может вспомнить, как он стал поэтом. Ибо стать поэтом — это такое же естественное явление, как и рождение. Поэтому, когда начинаешь искать ответ на вопрос, каким образом ты стал поэтом, перед глазами предстает вся твоя жизнь. Вспоминаются сказки, услышанные в юрте у очага с тлеющим кизяком. Кажется, будто доносятся до тебя унылые и тягучие мелодии, которые, бывало, мурлыкала мать, сидя за шитьем, песни девушек, крутящих дигирман (жернов для перемалывания зерна), пастушья песня за аулом. Все, буквально все проходит перед твоим мысленным взором: и белый дом под сенью трех старых белых талое с раскидистыми кронами — начальная школа, и первый учитель, и первые прочитанные книги, и первый «живой поэт», с которым познакомился впервые.

Аул Анна (ныне совхоз «Чимбай»), где я родился в 1929 году, был расположен на восточном берегу древнего канала Кегейли и вплотную примыкал к городу Чимбаю — историческому центру северной части Каракалпакии. Не могу сказать, чтобы в нашем ауле было что-то примечательное, достойное восхищения. Но родные места и по сей день представляются мне раем земным.

В памяти старожиллов моего аула глубокий след оставил Бердах¹ — лучезарная звезда каракалпакской поэзии. Он часто бывал в ауле, читал и пел перед народом свои бессмертные песни и поэмы.

Думаю, что нет необходимости распространяться здесь о своей юношеской пламенной страсти к стихам этого «степного соловья», как называл себя Бердах, к народным дастанам «Алпамыш», «Сорок девушек», «Сказание о Шарьяре», «Ашик-Кериб», которые довелось мне услышать в своем ауле в исполнении знаменитых жырау (сказителей) и бахши (певцов)...

Привил я скромный черенок к узлу больших ветвей.
Я древа Пушкина — росток. Бердах в крови моей.
И незабвенный Навои в моем сердцебиенье.
О ветер всех земных дорог, овей меня, овей!..
(Перевод С. Ломинадзе)

Это четверостишие я посвятил когда-то тому благодатному источнику, из которого берет свое начало моя поэтическая родословная.

Вспоминается любопытный эпизод, связанный с публикацией в газете моего первого стихотворения «Уатан» («Отчизна») в 1946 году. В то время я был студентом Каракалпакского пединститута. Кто-то из моих односельчан принес на хлопковое поле, где работала моя мать, номер газеты «Кзыл Каракалпакстан» с моим стихотворением и прочел -ей. Как потом рассказывали мне, мать повертела газету в руках, разглядывая ее на ярком солнце, затем сложила и завязала в уголок белой головной косынки. Когда же я приехал из Нукуса домой на каникулы, мать достала эту газету, попросила меня прочесть мое стихотворение и вновь спрятала ее в сундук.

Моя мать ни красноречием, ни знанием фольклора не отличалась. Она была одной из многих трудолюбивых

¹ Бердах (1827-1900) – поэт-классик каракалпакской литературы.

добродушных женщин-каракалпачек со старым миропониманием.

Мать называла горизонт полоской,
 Небесною границею звала
 И представляла нашу землю плоской
 И на конце отвесной,
 Как скала.
 Она меня туда не подпускала,
 Чтоб горизонта не перешагнул.
 «Иль без него в степи нам места мало,
 В ней не один разместится аул!»

(Перевод М. Луконина)

Но в том неподдельно наивном и в то же время искреннем отношении матери к моему первому стихотворению в газете я всегда вижу нечто святое, как бы великое благословение родного народа рождению своих поэтов. С этим благословением матери я вышел в путь по родной тропке в поисках большой дороги в страну Поэзии.

На каракалпакском языке вышло шесть моих поэтических сборников: «Лирика счастья» (1955), «Путнику Востока» (1959), «Думы» (1960), «Семь перевалов» (1962), «Степные грезы» (1966), «Из одного родника» (1971). Из семи моих поэм три («Судьба актрисы», «Правда о ковровщице» и «Степные грезы») были удостоены республиканской премии имени Бердаха. На сцене каракалпакского театра идут мои пьесы: народная героическая драма «Кырк-кыз» (написанная в соавторстве с А. Шамуратовым) по мотивам известного эпоса «Сорок девушек», лирическая драма «Судьба актрисы» и комедия «Омирбек лаккы». На мое либретто создана первая каракалпакская опера «Степной Орфей».

Как и многие современные поэты, я занимаюсь поэтическими переводами, чтобы каракалпаки могли читать произведения лучших поэтов мира и на своем родном языке. Стихи Пушкина, «Мцыри» Лермонтова, «Катерина» Шевченко, поэма «Владимир Ильич Ленин»

Маяковского, сонеты Шекспира, рубай Омара Хайяма, газели Навои и Хафиза, стихи Байрона, Гете, Гейне, Мицкевича, Шиллера, Тукая, Блока, Косты Хетагурова, Важи Пшавелы, восточная поэма «На смерть Пушкина» Мирзы Ахундова, стихи Пабло Неруды, десятки современных русских, узбекских, армянских, грузинских, киргизских поэтов — ест далеко -не полный перечень переводов, работа над которыми доставила мне истинное наслаждение, обогатила мой духовный мир и поэтический опыт.

Переводят и меня на русский язык. Издательство, «Советский писатель» выпустило три моих сборника стихотворений: «Песня горного ручья» (1960), «Меридианы, сердца» (1966), «Глаза ящерицы» (1973). В Ташкенте на узбекском языке вышло четыре мои книги, одна книга — на киргизском. Печатались мои стихи на казахском, украинском, белорусском, грузинском, латышском, польском, болгарском и других языках.

Перевод на языки братских народов — и прежде всего на русский — я бы назвал «морскими воротами» современных национальных литератур нашей страны. Поэтому вполне закономерно, что все мы, поэты, переводим друг друга, заботясь о том, чтобы каждому из нас удалось общаться непосредственно с большой аудиторией широкой читательской массы нашей огромной многонациональной страны.

В этом отношении я вправе считать себя одним из счастливцев. Меня переводили и переводят на русский язык такие поэты, как Николай Ушаков, Марк Шехтер, Михаил Луконин, Римма Казакова, Олег Дмитриев и другие.

...Ночью в бархатном небе Востока высыпают мириады звезд, и посредине звездного моря величаво течет, как полноводная Волга или Аму-дарья, Млечный Путь, сверкая своим широким светлым руслом. Каждый раз, когда окидываешь его взглядом, кажется, будто вся духовная жизнь человеческого общества всех времен и народов бурно течет по этой торжественно-прекрасной звездной реке. Хочется и от имени своего народа, своей национальной

культуры влиться светлой каплей в эту бурную, вечно текущую великую реку. Постоянно перед тобой встает все тот же мучительный вопрос: как, какими поэтическими средствами, красками сумеешь ты передать большую картину духовной жизни своего народа, своих современников — творцов эпохи небывалого творческого созидания и космических свершений? Поэт ищет, изучает, учится, он расщепляет атом стиха, чтобы тот, сражаясь со злом, служил доброте человеческой души. Он мысленно окидывает взором всю вселенную, прислушивается к дыханию своей планеты. Весь мир для него — большая юрта. Прогремивший в каком-то уголке земли выстрел, плач ребенка ранят сердце поэта, рождают в его душе горький, полный возмущения голос.

У нас говорят: «Ворона ласкает своего птенца, называя его «мой беленький». Найдется ли такой поэт, который не любит своих стихов? И все же он никогда не бывает доволен тем, что написал. Ему всегда кажется, будто его мать, разглядев под солнцем стихи его, непременно скажет: «Э, сынок, не то!» Свои лучшие, самые совершенные произведения поэт всегда ждет от завтрашнего дня. Мое самое сокровенное желание — чтобы стихи мои не обманули моих ожиданий и ваших надежд, дорогие читатели!

Ибрагим Юсупов

СТИХОТВОРЕНИЯ

СТРОКИ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Как можешь ты сомневаться в горячей моей любви?
 Ведь мне полюбились даже в саду твоём воробьи.
 И кошка на подоконнике стала мне дорога,
 Хоть и черна, как хумган² она, стоящий у очага.

И даже три черных тала, что твой осеняют дом,
 С любовью я вспоминаю с тех пор, как с тобой знаком.
 И только в одном повинен перед тобою я:
 Собаку твою не люблю я, собаку, душа моя!

1950

ЧЕРНЫЙ ТАЛ

Там, где шумит арык, растешь ты, черный тал.
 По берегам живой стеной кустарник встал.

Твой каждый куст и каждый листик мне сродни —
 Родился я под этим небом в их тени.

Не раз, подвесив колыбель к твоим ветвям,
 Меня качала мать, и ты склонялся к нам.

Когда шумел ты возле юрты — шум ветвей
 Звучал в душе, как сказки матери моей.

В густой листве шныряющие воробьи
 Мне озорство и живость отдали свои.

К земле в раздумье ветви тонкие клоня,
 Учил ты вдумчивости, строгости меня.

² Хумган – металлический сосуд для приготовления чая.

Здесь я узнал любовь: на этих берегах
Являлись мне не раз и Пушкин и Бердах.

Здесь, над водой, что с тихим лепетом лилась,
Любовь к земле отцов в те годы родилась...

То ты примолкнешь, точно сказочник седой,
То расшумишься, беспокойный, молодой.

Мне не забыть твоих речей, мой черный тал,
«О, будь поэтом!» — не однажды ты шептал...

Когда пришло мне время из дому уйти,
Ты провожал, желал мне доброго пути.

Осталось детство там, где песни пел арык,
Я вырос и окреп, как молодой тальник.

Открылась мне такая даль, такой простор:
Леса над Волгой и стена Кавказских гор.

Я видел море, кипарисы, много дней
Я наслаждался тенью пальмовых аллей.

Но я всегда в своих мечтах летел к тебе,
Я полон дум о молодой твоей судьбе.

А ты себе шумишь, подставив солнцу грудь,
Зовешь прохожих в знойный полдень отдохнуть.

Вокруг тебя текут счастливой жизни дни,
И мой родной аул растет в твоей тени...

О, берег мой, мечта моя, цветы, шуми листвою,
Я преданный твой сын, певец, мечтатель твой!

СТЫДИСЬ БЫТЬ ТЩЕСЛАВНЫМ

Тебе никто не запретит от века
 В здоровых грезах возвышаться над горой.
 Но оставайся скромным человеком.
 Беги тщеславия, мечтатель молодой...
 Чужих венков не требуй от народа,
 Но день за днем твори, верши дела свои.
 И понимать начнешь ты год от года:
 Важны творенья, а не слава Навои.
 Ты лучше на обочине дороги
 Чинару посади,
 Разрыв земную грудь,
 Чтоб утомленный путник хоть немного
 Сумел в ее тени прохладной отдохнуть.
 Пройдут года над древнею планетой,
 Порвется наших жизней тоненькая нить,
 Но будет для блуждающих приметой
 Твоя чинара постаревшая служить.

1957

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

* * *

На горный ручеек дивился я всегда
 И вот спросил: «Скажи, упорная вода,
 Шлифуешь гальку ты искусней ювелира,
 В чем тайна твоего терпенья и труда?»

* * *

Над спелым яблоком усевшись на листок,
 Росинка хвасталась: «Я — мудрости исток!»
 Но солнце поднялось — и высохла росинка,
 А яблоко молчит и копит мудрый сок.

* * *

На пенье соловья дивятся стар и млад —
 На повторения затейливых рулад.
 Когда ж в моих стихах находят повторенья.
 Скажи мне, соловей, за что меня корят?

* * *

Привил я скромный черенок к узлу больших ветвей.
 Я древа Пушкина — росток. Бердах в крови моей.
 И незабвенный Навои в моем сердцебиенье.
 О ветер всех земных дорог, овей меня, овей!..

1958

К АМУДАРЬЕ

Амударья, священная вода!
 Коль зависть есть во мне к кому-нибудь —
 Возьми ее с собою навсегда
 К далеким устьям в свой нелегкий путь.
 Как щепку мелкую, прочь унеси с собой
 Груз мелочных обид с моих ты плеч ..
 Чтобы такой же радостной волной
 Мне широко и бурно в жизни течь!

1959

ВОСПОМИНАНИЯ НА ИВОВОМ БЕРЕГУ

Памяти моего брата Мадена Юсупова

Как возмужали вы, родные ивы, —
 Тенисты и высоки, — поглядите!
 Водюю Кегейли напоены вы,
 Теперь любую бурю победите.
 Тогда, в войну, сиротами вы были
 (Садам и то вниманья не хватало),
 Чтоб сделать мост, под корень вас срубили.

Но из корней взошли побеги тала.
Когда, о сыне думая тоскливо,
Мать не спала, сраженная бедою,
Ее печаль вы разделяли, ивы,
Склоняя ниже ветви над водою.
И, словно дети по отцу скучая,
Потерянно качались вы от ветра.
«Друг Ибрагим, приди!» — вы мне крича
И тихо ждали моего ответа...
Я здесь сидел над книгою открытой,
Порывы ветра мне читать мешали,
Глаза мне закрывали руки чьи-то.
«Кто это? Угадай!» — вы вопрошали.
О, если б целый год мне закрывали
Свет солнца эти пальцы с перстеньками,
И то я рассердился бы едва ли
На девушку с прохладными руками!
Когда она от глаз их отнимала
И, глядя на меня, смеялась звонко,
Казалось, в жизни горя не видала
Задорная беспечная девчонка.
Но нет, война мечты ее украла,
Как ястреб, налетающий нежданно,
И горькую тоску ее послала
В кочевье — без дорог, без каравана.
Как яблоко румянясь наливное,
Она была прекрасна. В знак расцвета,
С кистями рук сравнившись толщиной.
Коснулись бедер косы в это лето.
Как птица гамаюн она глядела,
Молчала, глубоко запрятав горе.
«Вестей от брата нет ли?» — то и дело
Я замечал в ее горящем взоре.
Она, смеясь, жука в воде ловила
И сунуть мне за шиворот старалась.
«Когда джигитом станешь?» — все шутила
И в памяти навек такой осталась.
Джигитом-то я стал... Но те джигиты,

Что за свободу жизнь свою отдали,
Где спят они?
У горьких вдов спроси ты,
У девушек, что понапрасну ждали!
И в сердце жажда мести пламенела,
И шутки без ответа оставались.
Когда душа у каждого болела,
На полуслове песни обрывались.
Но есть в народе нашем чудо-сила,
Что всякого оружия сильнее, —
Она врагу за братьев наших мстила,
И мы пришли к победе вместе с нею!
Родные ивы!
Легкими шатрами
Вы в юности парили надо мною,
Не совладала злая вьюга с вами,
И вашу тень не выжгло пламя зноя,
И жгучий ветер вам не страшен, ивы,
В тени ветвей он, как ручной, резвится!
Здесь воробьи и ремезы счастливы,
И, славя вас, не умолкают птицы.
Вы поднялись над павшими отцами,
Вознесены бессмертными корнями,
Как молодо душистыми ветвями
Шумите вы над радостными днями!
Под вашею листвою серебристой,
Под вашею величественной сенью
Я, удивленный, прошептал:
«Как быстро
Ты возмужало, наше поколение!»
Арыков берега теперь высоки,
Переменилось многое в округе.
Лишь, как и встарь, торчат вихры осоки —
Ее косил я, обрезая руки.
Там, где солончаки когда-то были,
Хлопчатник рос...
Меж белыми домами
Катились по шоссе автомобили,

И запах дынь плыл от бахчи, дурманя.
 И вижу я, бежит мальчишка прямо
 Навстречу мне и окликает:
 «Дядя, Зайдите к нам, вас приглашает мама!»
 И замер я, в глаза мальчишки глядя.
 Да, твою маму, милый мой, я знаю —
 Ты смотришь, а мне кажется, что снова
 Та девушка смеется озорная,
 Припрятав в кулаке жука речного...
 Я к ней войду. Она мне улыбнется.
 Глаза не спросят:
 «Есть письмо от брата?»
 И только в сердце птицей встрепенется
 Ее невозвратимая утрата.
 Разрезав мякоть дыни восковую,
 Мы многое припомним молчаливо...
 Возьму дутар.
 Грустя и торжествуя,
 Спою о вас, мои родные ивы!

1960

Ф А З А Н

Бродил я степью заснеженной,
 Ступал по свежей белизне,
 И вдруг, как громом пораженный,
 Остановился я.
 И мне
 Явила степь — художник чудный —
 Картину на холсте своем,
 И было оторваться трудно
 От красок, пышущих огнем:
 Незащищенно и открыто
 Лежал фазан в тени куста,
 Как позабытая палитра,
 Где дерзко смешаны цвета!
 Цвели оттенки красок сочных,

Живою силою полны,
Как будто радуги кусочек
Упал на землю с вышины.
Фазан, прижавший шею к телу,
Крылом головку укрывал,
Но хвост-изменник то и дело:
«Я здесь!» — владельца выдавал.
И я подумал:
Так, бывает,
Девчонка юная, в цвету,
Одеждой тщетно прикрывает
Свою хмельную красоту.
Взлетела птица — глазу больно!
Над степью взмыл комок огня...
Я побежал за ней невольно,
Но мчались, обогнав меня,
Лихие всадники за псами.
Псы взвыли, увидав ее.
Охотник с красными глазами
Уже прижал к плечу ружье!
И — выстрел...
И кусты сомкнулись
Над птицей с раненым крылом,
И люди в заросли метнулись,
Спеша к добыче напролом.
Но, не желая покориться,
Пытаясь выжечь смерть дотла,
Как пламя, трепетала птица,
Сопротивлялась и жила!
И я подумал, птицу славя,
Что нужно пламенно мечтать,
Любить, как пламя,
Жить, как пламя,
И, пламенея, умирать!

КАННЫ В НУКУСЕ

Из-за заборов деревянных,
 С газонов парков, площадей
 Глядят цветы Востока — канны —
 С улыбкой доброй на людей.
 На них мы смотрим, как на чудо,
 Поэт и пахарь, я и ты:
 Любовь трудящегося люда,
 О канны, алые цветы!
 Девчонки-модницы, пижоны
 От шумной улицы вдали
 И те затихнут удивленно:
 Какие канны расцвели!
 Да, здесь, в степи, сожженной зноем,
 Днем погружалось все во мглу,
 И пыль ложилась толстым слоем
 На свежевымытом полу!
 Давно уж нет степи безводной,
 Покрытой жестким янтаком³,
 Она по воле всенародной
 Прекрасным стала цветником.
 Вы, канны, говорите гордо,
 Что время лучшее пришло,
 Вы у дверей аэропорта
 Гостей встречаете тепло.
 Две женщины домой вернулись,
 И «Звезды» на груди горят.
 Цветами крупными любуясь,
 Они на площади стоят.
 На сессии, в кремлевском зале,
 Две дочери Амударьи
 Не раз, наверно, вспоминали
 Про канны милые свои...
 Конечно, прав народ, считая
 С давным-давно минувших лет:

³ Янтак – верблюжья колючка.

Кровь белой курицы густая —
Вот самый чистый в мире цвет.
Как пламя средь ночного мрака.
Вы, канны, яростно ярки,
Любимый цвет каракалпака
Окрасил ваши лепестки!
Днем ходят канны, как фазаны,
Веселый водят хоровод.
О, взять бы в руки кисть Сарьяна!
Художники, смешной народ,
Цветы, поблекшие в стаканах,
Изображая на холстах,
Вы забываете о каннах —
Народных праздничных цветах!
Я б холст большой на площадь вынес
И рисовал бы только их
На фоне города, что вырос
Цветком среди равнин пустых!..
Уносит осень цвет за цветом —
Зеленый, белый, голубой,
Цветы другие вслед за летом
Уходят, не вступая в бой.
Все пожелтеет, но бессонно
Лишь канны — гордые сердца —
Стоят, как знамя гарнизона,
Что не сдастся до конца.
Шагайте, канны, перед нами
Колонной юной, боевой,
Как дети с красными флажками
По первомайской мостовой!
А здесь вы горделиво встали:
У пьедестала Ильича
Торжественно затрепетали
Куски живого кумача.
В простом пальто, раздутом ветром,
Он улыбнется с высоты,
Когда придут к нему с приветом
Востока алые цветы...

1963

Р О Д И Н А

Ты мне ветками тала казалась сначала,
 Как зеленая ветвь, вырос я среди них,
 И свирель из коры твоей тонко звучала —
 Отголосок наивных раздумий моих.
 «Я зеленая ветвь! Сок земли животворный
 Я впитала!»—звенела свирель над рекой,
 И поддакивал песенке ремез проворный
 И гнездо себе строил, трудясь день-деньской.
 «Кто умелее — бог или птица?» — сказала
 Мать однажды, любуясь чудесным гнездом,
 И тебя, моя Родина, сердце узнало
 На лице материнском, родном и простом.
 По росистой тропе я бежал рано-рано
 И, сорвав одуванчик, брал в рот стебелек,
 Чтоб конец его вился, как рожки барана,
 Я, твердя: «Стань бараном!» — глотал горький сок.
 И скакал мне навстречу ягненок веселый,
 «Пют-пют-пют!»— перепелки кричали с полей...
 А потом стала Родина белою школой.
 Зазвенел колокольчик среди тополей.
 Я ловил ястребов, и, не зная покоя,
 За мечтой молодой по степи я скакал.
 Ты была, моя Родина, теплой рекою,
 И в коробочке хлопка твой лик возникал.
 Ты светилась в улыбке девчонки смешливой —
 Как она улыбалась, стройна и юна!
 (А в ауле была она самой красивой,
 До сих пор почему-то мне снится она.)
 А когда пастухи возвращались со стадом,
 Ты печальною песней плыла в тишине.
 И легендой, рассказанной сторожем старым
 В шалаше, на бахче, ты осталась во мне...
 Я во всем узнавал тебя —

В тающем клине
 Улетающих птиц над осенней страной;
 В крике коростеля на пустынной равнине,
 В громком зове фазана из рощи ночной.
 Я любил забираться на стены весною
 И следить, как пылает камыш у воды,
 И лежали дороги твои предо мною,
 Расходясь от аула лучами звезды.
 О, во всем узнавал я тебя и гордился,
 Как прекрасна ты. Родина! Как ты сильна!
 Сколько б я бы любил землю ту, где родился,
 Но отдельно от Родины —
 Что мне она?
 Если звезды Кремля поднялись негасимо
 Со страниц букваря над моею судьбой,
 Если Ленин и Пушкин родились в России, —
 Я навеки, о Родина, связан с тобой!
 Без России великой, без буквы заглавной
 Слово «родина» мне никогда не понять —
 К ней, бескрайней, и многоязыкой, и славной,
 Обращаюсь:
 Великая Родина-мать!
 Заблужусь я в горах или в чаще таежной,
 Постучусь ли в ярангу средь вечного льда,
 Даст мне пищу и станет защитой надежной
 Чувство Родины, данное мне навсегда.
 Как могу я ходить по цветущим долинам,
 О тебе забывая, в родимом краю?
 Только тот может истинным быть гражданином,
 Кто вместит в своем сердце всю землю твою!

1963

САКСАУЛ

Что за странные толпы видны в раскаленной дали?
 В небо руки кривые с угрозой они вознесли.
 К ним с дороги сверни: это стражи пустынь — саксаулы,

Над горбами барханов вздымаются в жгучей пыли.

В седине и рубцах, сколько лет им, не знают они,
Положи их в костер — антрацитом пылают они.
Будто стойкий отряд массагетов — кочевников древних.
Жизни крайний рубеж от песков охраняют они.

В зной и стужу растет саксаул на сыпучей гряде,
Право жить на земле добывает он в тяжком труде.
Как бурильщики скважин, упорные, твердые корни
Прах бездушный сверлят, пробираясь к соленой воде.

Безмянный, на страже стоит в одиночестве он,
Если в схватке погибнет, не требует почестей он,
Но, покуда живет, будет молча с пустыней сражаться.
Как верблюд, терпелив и, как сказочный воин, силен.

На суровой земле прорастают его семена,
Вслед за ним в наступленье идет на пустыню весна,
А когда он в огне умирает — не зря умирает:
Жар упрямой души отдает человеку сполна.

1963

Б Е Р Д А Х У

Ты — песня, что босой по снегу шла,
А рядом горя цокали копыта,
Что в ветхой юрте рождена была
И бедами народными омыта.

Владыкам мира не мозоля глаз,
Не мог ты жить, — тебя смешила злость их.
И сколько раз твой громогласный саз
Звучал, Бердах, как голос безголосых.

Еще тепла от твоего плеча,
Твоя одежда грела чьи-то плечи,

И не умел ты, сыто дни влача,
Ждать с музою измученною встречи.

Ты в юрте белой, раб своих затей,
Не пировал.
Для тех, чья жизнь убога,
Ты пел и был готов, как Прометей,
Для них похитить и огонь у бога.

Ни Байроном, ни тем, чей скорбный прах
Все чтут, презрев бывшего суд кровавый,
Не стал ты, но останешься, Бердах,
Моей страны непревзойденной славой.

Твои слова — вопль истины из тьмы,
И каждый стих твой — подвиг, а не поза.
Его с мечом сравнить могли бы мы
Героя Ерназара-алакоза⁴

Живешь на тарах всех дутаров ты,
И не напрасно снова мне и снова
Твой голос, голос доброты, мечты,
Велит: «Сынок, ищи не славы — слова!»

1965

* * *

Апрельскою ночью, в ту пору,
Когда зацветал урюк,
Девушку у забора
Остановил я вдруг.
Как молоды мы были двое!
Где он, след этих лет?
«Любишь?» — спросил ее я,

⁴ Ерназар – Алакоз – национальный герой каракалпакского народа, предаодитель восстания в XIX веке.

Глаза опустила в ответ.
 ...Если ты что-то делаешь,
 Что обижает меня,
 Я вспоминаю ту девушку,
 Ночь на пороге дня,
 Ее теплом окрыляюсь,
 Готовый все превозмочь,
 Снова в тебя влюбляюсь,
 Как в ту апрельскую ночь.

1967

* * *

Если б был я мастером ваянья,
 Я бы создал на горе крутой
 Полный светлого очарованья
 Необыкновенный образ твой.

Чтобы все века и все народы
 Любовались светлой красотой,
 Чтобы отступало зло природы.
 Видя несравненный образ твой.

1967

С О Р Ш А ⁵
(Из цикла сонетов)

Леченье от грусти — прогуляйся по берегу реки,
 леченье от чванства — поброди по кладбищу.
Пословица.

1

Здесь бытия с небытием граница,
 О жизни здесь любая глохнет весть;
 Жил — мог себя заметней прочих счесть,

⁵ Сорша – кладбище в окрестностях города Нкукса

Сюда попал — пред равными смирится.

Мутится разум здесь, влажны ресницы,
Ничьим губам в улыбке не расцвествь.
То ль другу без тебя отсюда бресть,
То ли тебе без друга воротиться...

Настигнет смерть арканом скакуна, —
Неведом ей просчет, не кинет мимо.
И все ж она над жизнью не властна.

Жизнь непокорна и неутомима.
Смотри: вот надломился стебелек,
Но вырастет их тысяча, дай срок!

II

Настигнет смерть арканом скакуна —
Судьба для всех одна... Страшись другого:
Вдруг говорящий над тобою слово
Утраты не почувствует сполна!

Представь: не скорбь сердец, а тишина
Ведет тебя в последний путь сурово.
Страшись того, что смена не готова,
Что за зимой не настает весна..

Оставшиеся жить — твои же судьи.
Страшись, что, о тебе припомнив, люди
Заслуг твоих, увы, не назовут.

Коль ни врага, ни друга ты не нажил,
Кто б смерть твою, как жизнь твою, уважил.
Так, может быть, ты вовсе не жил тут...

III

«Воскресни он, явись опять среди нас,

О нем была бы вся моя забота,
Я не жалел бы для него почета,
Ресницами бы стал для милых глаз.

Войди он в дом солдатом в поздний час.
Объятая жарким не было бы счета», —
Так уверяет на могиле кто-то...
Слова пустые слышал я не раз.

Вернувшийся за «похоронной» следом,
Случается — как лишний за обедом,
Чужой... Его ль к груди теперь прижать?..

Нет, вспять воде текущей не податься.
Чем этак бесполезно сокрушаться,
При жизни б нам друг друга уважать.

IV

Мне старика однажды показали —
Лет полтораста он на свете жил!
Почтительно я старца навестил,
И — где ты, зависть, что была вначале?

Лет за пять до Бердаха свет узнали
Его глаза... Трех жен похоронил...
Когда Тарас к нам в степи сослан был,
Уж тот с детьми рыбачил на Арале.

Три было сына — обратились в прах,
И нет помина о былых друзьях,
Вокруг него — совсем иное племя.

У высохшей чинары жалкий вид.
«Притих ты, старый, — древо говорит, —
Шумели мы в одно с тобою время...»

С А А Р Е М А

Наша крайняя граница —
Берег, пены бахрома...
Все мне дальний остров снится —
Саарема, Саарема.
Побывавший здесь приезжий
Увезет к себе домой
Сказки те, что были прежде,
Сказки жизни молодой.
Здесь поэтов вдохновляет
Их родная сторона.
В море остров отдыхает —
Саарема, Саарема.
Рыбаки после улова
Вечером в кафе сидят.
Лица о труде суровом,
Об упорстве говорят.
В деревянных кружках пиво.
Дружно рыбаки поют.
Песенке неторопливой
В такт покачиваясь, пьют.
А она легко и просто
Льется будто бы сама:
«Есть на свете славный остров —
Саарема, Саарема.
Пусть не смеет непогода
Зори здешние закрыть.
Пусть мечтают мореходы
Славный остров посетить.
Море, люди — две стихии.
Люди этой стороны,
Их характеры крутые
Морем определены.
Всем во всем известный в мире,
Ты из наших островов —
И просторнее и шире

Всех иных материков.
 Обелиск твой вспоминая,
 Помня мирные дома,
 Я тебя не забываю,
 Саарема, Саарема».

1968

ЖЕНЩИНЕ, КОРМЯЩЕЙ РЕБЕНКА

У твоей груди ребенок замер,
 Он сосет, причмокивая сладко.
 Ты уткнулась жадными глазами
 В книгу. Лоб перечеркнула складка.
 Две косы ползут по белой шее,
 Черные, волнистые такие.
 Чмоканье. Страниц волшебный шелест
 Слушаю симфонию любви я.
 Пахнувший цветущею весною,
 Вмятину — как будто снег растаял —
 Пухлою молочной пятернею
 На груди твоей малыш оставил.
 Я тебя поцеловал бы, обнял, —
 Милая, я этого хочу так! —
 Но ребенок это право отнял,
 Дав взамен благоговенья чудо.
 И стою я робко, изумленно
 У святого чистого истока.
 Как Бийби-Марьям, ты смотришь с трона
 Моего смиренного восторга.
 На колени все мужчины мира
 Пред тобой упали бы с мольбою:
 Их, которых тоже мать вскормила.
 Материнской освятить любовью.
 Кормишь ты ребенка. Все как надо.
 Только — что сильнее есть на свете?
 Ты дала бессмертье Леонардо,

Рафаэлю ты дала бессмертье!

1968

СЕРДЦЕ УТОЛЯЕТ СЕРДЦЕ

Джейран к источнику бежит,
 Косяк гусей к воде летит...
 Где ж сердце жажду утолит?
 Лишь сердце утоляет сердце.

Вгляни тайком из камышей
 На игры белых лебедей,
 На ласки их упругих шей, —
 Так сердце утоляет сердце.

Мнут скакуны степную гладь,
 Родной табун спеша догнать,
 И верблюжонок кличет мать, —
 Так сердце утоляет сердце.

Влюбленная в простор морской,
 Река сливается с рекой,
 Тропа сплетается с тропой, —
 Так сердце утоляет сердце.

Вражда и зло — смертельный яд,
 А дружба — драгоценный клад,
 И как весну встречает сад,
 Так сердце утоляет сердце.

Вглядись в полночный небосвод:
 Звезда звезде посланье шлет.
 Пусть ярких чувств ручей течет,
 Чтоб сердце утолило сердце.

Где б ни был ты, в любой дали —
 В пустыне, на краю земли,

Жди, чтоб свиданья дни пришли,
Чтоб сердце утолило сердце.

Стремятся в голубой простор
Вершины разлученных гор,
Чтоб друг на друга бросить взор, —
Так сердце утоляет сердце.

О, сын земли, мечты, труда,
Стань щедр, как вешняя вода,
Как солнце, светел будь всегда, —
Лишь сердце утоляет сердце.

1968

С М Е Р Т Ъ Ж А В О Р О Н К А

В степи, у обочины, в зарослях горькой полыни,
Лежит он безжизненно, крылья в пыли распластав, —
С восторженным пенем в простор ослепительно синий
Над ширью степною уже не взовьется стремглав.

...Бывало, приникнув к траве, под полуденным жаром,
Как будто подслушивал вешней земли голоса
И вдруг, словно камень, подброшенный ловким ударом,
В лазурь устремлялся, в безоблачные небеса.

Внизу — разноцветная, в праздничном великолепии
Бескрайняя степь расстилалась на зависть глазам,
А он, опьяненный, висел над весеннюю степью,
Как будто себя пригвоздив к голубым небесам.

Висел он, звенел он, восторженно пел с поднебесья,
Любуясь на мир — как он светел, просторен, красив,
И даже джейраны в степи, зачарованы песней.
Застыли, заслушались, робость свою позабыв.

Казалось в тот миг: родники приглушили журчанье

И прядями длинных волос не шуршат ковыли, —
 Весь мир необъятный внимал в изумленном молчанье
 Взлетевшему в небо посланцу земли.

Так пел он без умолка — в радостном самозабвенье,
 Не видя, как туча над ним грозовая встает,
 Но град беспощадный обрушился через мгновенье,
 И наземь, убитый, упал он с лазурных высот...

Над мертвым певцом горький запах полынь источала,
 Вздыхала земля, пламенели тюльпаны в цвету...
 Лежит он сраженный... И все же успел он сначала
 Поднять свою песнь в ослепительную высоту!

1968

Н Е Р В Ы

Вам, чуткие струны, немало
 Приходится в жизни звенеть.
 Вас дергает зло, как попало,
 Ногтей человеческих медь.
 Пусть тросу подъемного крана
 Грозит от нагрузки обрыв —
 Надежен ваш лад постоянный,
 Вынослив и терпелив.
 Стремления, поиски, споры,
 Жестокие схватки подчас,
 Паденья и взлеты, раздоры —
 Все бременем ляжет на вас.
 Владелец ваш век свой недлинный,
 В заботах, в борьбе проживет.
 Вам — сдерживать сталью пружинной
 Эмоций его хоровод.

Надменно поджатые губы,
 Навыкате злые глаза,
 Язык ядовитый и грубый,

В несчастье скупая слеза,
 И зависть, и высокомерье,
 И благополучье на час —
 Все точит, как яблоню черви,
 Все, все ополчилось на вас.
 Тончайшим вы ловите слухом
 Малейшие звуки земли,
 Настороженное ухо
 Все слышит вблизи и вдали —
 Бомбежки гремящее пламя,
 Рокочущий атомный гриб...
 Плач женщины в жарком Вьетнаме
 Над сыном, что жил — и погиб.
 Порой оскорбляет вас злобно
 Эфир, клеветой засорен...
 Вы арфе Эола подобны,
 Но — наших, не древних времен.
 Наш мир — это зданье большое,
 Где хлопают часто дверьми.
 Пусть нет в нем угла для покоя —
 Не будет он брошен людьми.
 Шумливым предъявим мы факты,
 Борьба — так борьба до конца.
 Страшат ли неврозы, инфаркты
 Борцов настоящих сердца!
 Да, струны, вас много терзали,
 Немало терпеть вам и впредь,
 Но, значит, стальными вы стали,
 Усталостью вам не болеть!

1968

А Л Л Е Я А Н Н Ы К Е Р Н

Я жалею поэта, пусть он и велик,
 Если не пережил он, горя вдохновеньем,
 Тот короткий, единственный, может быть, миг,
 На века остающийся чудным мгновеньем.

Я жалею поэта, который не смог
 Нанести сам себе эту лучшую рану:
 В лабиринте своих бесконечных дорог
 Повстречать, полюбить и воспеть свою Анну.

Ах, как короток миг, как аллея длинна!
 В женском облике сладкая мука явилась...
 И пускай не навек твое счастье — она,
 Но навеки мгновение остановилось.

Осветила двоих молодая луна,
 Ганнибаловы липы стоят в карауле...
 Краткий миг, долгий вздох... Даже смерть не страшна, —
 Не домчать до любви ей на кончике пули.

Эта летняя ночь глубока, как любовь,
 Как прекрасных очей откровенные взоры...
 Пережить бы мгновение чудное вновь,
 Но жестока судьба и скупа на повторы.

Сколько зим, сколько лет... Сколько строк, сколько мук!
 Но живет ожиданием сердце поэта.
 Пусть за встречей короткой сугробы разлук,
 Но навеки продлилось мгновение это.

Поделиться бы душою тяжелой... Да с кем?
 Лишь перо и бумага, сугробов белее...
 До сих пор все идет он аллею Керн,
 Бесконечною стала в то лето аллея.

То пешком, то в кибитке в нездешний рассвет
 В путь пустился поэт с незалеченной раной
 От державного гнева, от тайных клевет
 За мечтою своей — за придуманной Анной.

Бросил вызов царям, и врагам, и богам —
 Всему свету поэт, ничего не жалея.

По калмыцким степям, по морским берегам,
По кавказским горам протянулась аллея.

И, копытами конскими заклеямена
И омыта фонтанами Бахчисарая,
То в пыли, то в дыму исчезала она,
То опять появлялась, под солнцем сгорая.

То, распутав на миг свой мудреный клубок,
Пронесилась она по дворцовым паркетам...
Царь от гнева, как сажа, чернел, но не мог
Расквитаться никак с непокорным поэтом.

И тогда он убийце вручил пистолет,
В совершенстве владея подобным талантом.
И не знал, приближаясь к барьеру, поэт,
Кто невидимым был у врага секундантом...

Берега Черной речки поныне в крови, —
Нам досталась последняя рукопись эта:
Вечным гимном свободе, борьбе и любви
Негасимо горит на снегу кровь поэта.

И, когда я в Михайловском осень встречал,
Переполненный светлым волнующим чувством,
Надо мною живой его голос звучал,
Повествуя о давнем мгновении чудном.

Михайловское, 1968 г.

ТАК ЯРКИ БЫЛИ ЗВЕЗДЫ В ЭТУ НОЧЬ...

Пимену Панченко

Так ярки были звезды в эту ночь,
И с неба тучи отлетели прочь,
И музыка лилась, и вместе с ней

Лилась беседа легче и вольней.

Декада — десять славных дочерей,
Раскрытых душ, распахнутых дверей.
Зеленый шум берез, сердец тепло
Сюда с собой Полесье привело.

И до зари не спали соловьи,
Они, как и сородичи мои,
Гостей встречали из далеких мест.
Цвели сады — наряднее невест.

За белорусской песней, брат векам,
Со струн дутара выпорхнул макам
Науменко, веселый великан,
Нарым-нарым⁶ танцует с Аимхан⁷.

А тосты величавы и мудры,
В них — годы, партизанские костры,
И праздники Купалы, новь и быль,
И строки Танка, и, конечно, Брыль...

Турткульской ночью черно-голубой
Припомнили об этом мы с тобой.
И вдруг меня ты за руку схватил,
Словами необычными смутил.

Сказал: «Взгляни, как край прекрасен твой!
И эти небеса над головой,
И тени этих будущих плодов
На контурах невидимых садов...»

По-новому на небо я взглянул,

⁶ Н а р ы м - н а р ы м — народный танец.

⁷ А и м х а н Шамуратова — каракалпакская певица, народная артистка СССР.

⁷ Н а р о ч ь — озеро в Белоруссии.

И ветер давней юности вдохнул,
И Путь далекий Млечный разглядел, —
Где у него, где у мечты предел?

Приветно звезды в вышине рябят,
Как морды белолобых жеребят...
Благодарю тебя, поэт и друг,
За то, что это мне открылось вдруг.

Так здравствуй, Белоруссия, сестра,
Хозяйка партизанского костра,
Ты северная роза, чьей судьбой
Горжусь, как сын, я, вскормленный тобой.

Со мной и Минск и Нарочь⁸ навсегда,
Твои дороги, села, города, —
Что в памяти твоей звездой зажглось, —
И в пуще Беловежской добрый лось...

1969

* * *

О том, как обречен любить поэт,
Спроси у звезд, струящих долгий свет.
Но надо ли и знать тебе об этом
Заклятии, дарованном поэтам?

Поймешь, как пела страсть и злость шипела.
Увидев сердце гордого Шопена.
А пушкинское чудное мгновенье
Для скольких поколений откровенье!

Поэт в любви не раб, а властелин.
Весь мир в его руках — как пластилин.
Он лепит, сжечь готовый все, что пело,

⁸ Нарочь – озеро в Белоруссии.

Чтоб возродиться фениксом из пепла.

1969

РЕБЕНОК

1

Ребенок — великан среди людей,
 Пришедшее в сейчас твое вчера...
 Он — колыбель всех завтрашних идей,
 Он — первенец палитры и пера.
 Он вечным утром входит в каждый день,
 Твой самый первый и последний шаг,
 При нем становится светлее день,
 Добрее друг и беспощадней враг.
 Он наш учитель, этот мэтр с вершок.
 Еще не ставший сам учеником,
 Он — победитель, — целый мир у ног, —
 Но с азбукой убийства не знаком.
 Он полководца дергал за усы,
 Перед которым каждый трепетал...
 И тратил Маркс бесценные часы
 На игры с ним, оставив «Капитал».

2

Когда ребенка на руки беру,
 Влюбляюсь в жизнь, как юноша, опять.
 Из детства путь лежит один — к добру.
 «Я был ребенком...» — может ли сказать
 Тот кто ведет нечестную игру?
 Нет. Были на земле не все детьми.
 Палач и лжец, уста свои сомкни!
 Когда б ты на ребенка был похож.
 Не рыли б для детей могил в Сонгми,
 В Освенциме не тлели бы — смотри! —
 Десятки тысяч маленьких подошв!

1970

В СУМЕРКИ ИЗ ЗАРОСЛЕЙ ОСОКИ...

В сумерки из зарослей осоки,
 Из зеленых пут стеблей высоких,
 Задевая острые концы,
 Выпорхнули черные скворцы...
 И не знаю, почему я вспомнил
 Твой далекий невозвратный полдень,
 Когда — самой лучшей из наград —
 Был тебе я будто младший брат.
 Как ягненок за овечкой-мамой,
 За тобою бегал я, упрямый.
 Ты меня привыкла баловать
 И кусок мне лучший отдавать.
 А потом — мы были вроде те же
 И не те. Ты в новые одежды
 Нарядилась и все пела мне
 О джигите на гнедом коне.
 А когда сестра — подумать странно! —
 Твои бусы из адираспана⁹
 Нацепила, рот твой не изрек
 Ни словечка девочке в упрек...
 Если же джигит к тебе на тое
 Приставал, а то и сразу двое,
 Улыбалась ты, их прочь гоня,
 Только все глядела на меня.
 Как-то на бахче я вдруг заметил:
 Взгляд твой кроткий стал слезами светел.
 И спросил я у тебя тогда,
 Уж не приключилась ли беда.
 Слезы утирая как попало,
 Соврала: «Соринка в глаз попала...»
 Понял я мальчишеской душой —

⁹ А д и р а с п а н — вочки делают бусы.

Что за этой ложью небольшой.
 А потом, обняв меня, молчала,
 Словно жизни без себя вручала,
 Говорила, в мире всех добрей:
 «Становись джигитом поскорей!»
 Яблоко в карман мне положила —
 Словно навсегда приворожила,
 Повелела, чтобы верно ждал...
 Но призывно рядом конь заржал.
 И ушла ты, раздвигая ветки
 Молодой джиды¹⁰ — совсем, навеки.
 Яблоко швырнул тебе я вслед
 И заплакал. И померкнул свет.
 И во мгле из зарослей осоки,
 Вспугнуты конем, стеблей высоких
 Задевая острые концы,
 Выпорхнули черные скворцы...

1970

Г Л А З А Я Щ Е Р И Ц Ы

Когда на степь мою даны
 Два оробелых огонька,
 Две современные луны —
 Две фары от грузовика,
 В их блеске светит бирюза,
 Как перстни с царственной руки, —
 То ящериц степных глаза,
 Пустыни хищные зрачки.
 Они меня не удивят:
 В степи родился я, и рос,
 И с детства помню этот взгляд,
 Его сверкающий гипноз.
 Когда геологов встречал,
 Я им поверить не спешил...

¹⁰ Джиды – вид плодоносного дерева.

Так ящерицы по ночам
 Глядят на фары от машин.
 Но старый фосфор отсверкал,
 А свет надежды победил,
 И саксаул, как аксакал,
 Оазисы благословил.
 И вот горят огни во мгле,
 И город встал во весь свой рост,
 И звезды нынче на земле,
 А человек у самых звезд.
 Пустыня веки подняла, —
 Прозрела тьма ее навек.
 Она, смирившись, поняла,
 Что царь природы — человек.
 Мчат поезда... И — дух песков,
 Былых веков, летящих лет —
 Мерцают космосом зрачков
 Степные ящерицы вслед.

1971

* * *

Пусть, как зимняя степь, душа твоя будет белой,
 Как степь с лисицею красной на хрустком снегу.
 Всегда походи душой неоробелой
 На мальчика, что оседлал жеребца на всем скаку.

Пусть, как летняя степь, любовь твоя будет жаркой,
 Как степь, где мираж колышется в дымке мечты.
 Как степь родная с небесной звездною аркой,
 С блаженством прохлады в тихом плену темноты.

Пусть, как степь весною, жизнь твоя будет красной,
 Как степь, где вниз по оврагам ручьи текут,
 Где маки, подобно людской надежде прекрасной,
 Алыми буквами радугу радости ткут.

Пусть твой ум мудрость осенней степи впитает,
 Той степи, где безумный жаворонок поет,
 Где о чем-то сердце грустит и о ком-то мечтает,
 И вдыхает грудь прозрачного воздуха мед...

1972

ПРОПОЙТЕ ПЕСНЮ МНЕ АЖИНИЯЗА¹¹...

Пропойте песню мне Ажинияза!
 Пусть плачут те, кому — стрелой из лука —
 Пронзила сердце с родиной разлука...
 Пропойте песню мне Ажинияза!

Поэт на свет рождается не часто.
 Уходит он, чтобы стихам начаться.
 В полночных снах, в истоме странных глаз,
 Чей долгий взгляд — их добрый долгий саз¹².

Чтоб строки потекли лавиной света
 И сердце не осталось без ответа
 И трепетно внимало ветру саза,
 Пропойте песню мне Ажинияза!

Больной и страстной силой «Бозатау»¹³
 Я души тех окаменеть заставлю,
 Кто все еще, себе же на беду,
 Питает к счастью нашему вражду.

Сегодняшняя радость тем сильнее,
 Чем больше горя прошлого за нею.
 Чтоб видеть завтра лик, еще неясный,
 Пропойте песню мне Ажинияза!

¹¹ Ажинияз – каракалпакский поэт-кассик XIX века.

¹² Саз – здесь: мелодия.

¹³ «Бозатау» — патриотическая песня Ажинияза.

Я жду ее, терпение теряя,
 Как соловей безумный, повторяя
 Слова, в которых — все острее, сильнее
 Вкус родины с горчинкой давних дней.

Хотите вы посредственность унизить?
 Хотите звезды дальние приблизить?
 Хотите, чтоб, покинув ложе смерти,
 Я продолжал бы жить на этом свете?
 Внемлите слову моего наказа:
 Пропойте песню мне Ажинияза!

1972

А Р Б А С Л А В Ы

Коль свяжешься в пути с арбою славы,
 То так и знай: беды не миновать!
 И канет в пустоту твой голос слабый,
 Когда, застряв, на помощь будешь звать.

Пусть обод украшает позолота
 И весь навес из серебра на ней,
 Твоя дорога — черная работа,
 Тебе б арбу, хоть проще, да прочней.

Здесь слева — горный кряж, обрывы — справа...
 Колени ободрав о камни круч,
 Узнаешь сразу, сколько весит слава,
 Приняв на плечи тяжесть темных туч.

А те, кому отваги не достало
 Достичь вершины волей и трудом,
 Увидят ли, как трудно дышит слава,
 Хватая воздух пересошим ртом?

Передохнув на горном перевале,

Почувствуешь прилив внезапных сил,
Хотя готов был к этому едва ли
И у судьбы пощады не просил.

И больше ноги не болят натужно...
Ты победил. Окончена борьба.
И там, где больше транспорта не нужно,
Ждет тебя славы странная арба.

И непомерно узкою тропею
Помчит тебя она в волшебный сон,
Которым над восторженной толпою
На краткий миг ты будешь вознесен.

Но пользы в ней не больше, чем в игрушке,
А это, не игра — твоя судьба.
...Когда в дорогу отправлялся Пушкин,
Его ждала обычная арба.

1972

С Л О В О О Ч Е Р Н О Й Ш А П К Е

Путь моего народа долог, труден, —
Его когда-то начал печенег...
Мой прадед был упрямый чернолюдин.
Он шапки не снимал своей вовек.

Когда его отец, в бою сраженный,
С коня на землю черную упал,
Он сыну завещал, чтоб шапки черной
Тот с головы ни разу не снимал.

И — это может подтвердить ученый —
С тех пор во все века на белый свет
Каракалпак рождался в шапке черной,
Чтя свято прапрадедовский завет.

Он в жизни горя повидал немало:
 Стал черным взгляд, как степь черна кругом...
 Но черной шапки все же не снимал он
 Ни перед ханом, ни перед врагом.

Идя своей дорогой грозвою,
 Успел он очень много потерять,
 Но шапку не терял — лишь с головою
 Ее могли с каракалпака снять.

И только раз каракалпаки сами
 В печальные для всей планеты дни
 С голов склоненных свои шапки сняли,
 Когда входили в Мавзолей они!..

1972

К О Н И

Стучали вы точеными ногами
 О звонкий бубен степи, ладя бег...
 Как чудных женщин, звезды, русла рек,
 Природа сотворяла вас веками.

В истории пролег копытный след,
 Промчались гулко кони по вселенной,
 Но в век машин уж прежней пользы нет,
 Уж не на сцене кони, а за сценой.

Медлительным хозяин счел коня
 И распростился с конскою уздой,
 И лишь в стихах, подковами звеня,
 Конь скачет, не смирившийся с судьбою.

Настанет день — и лайнеров полет
 Покажется привычным и не скорым;
 И человек иную скорость ждет
 В своем движенье по земным просторам.

Не сядет нынче юноша в седло,
 Скорее в путь отправится он пеший...
 Машина! Вот что в плоть и кровь вошло.
 Аварии? Их терпят ведь не все же.

До участи рогатого скота
 Вы опустясь, пасетесь в поле росном
 Вдали от сел, где шум и суета,
 К гудкам прислушиваясь тепловозным.

Но вновь о скакунах стоушна весть,
 Когда со славой, не из-за подачки,
 Они людей отстаивают честь
 И утверждают честь свою при скачке...

И стоя над рассветною водой,
 С отметиной на лбу, доверчив, тонок,
 О чем заржал ты, стригунок гнедой,
 Взгляд к бледным звездам устремив спросонок?

1974

РОЗЫ ПУСТЫНИ

В моем сердце, как в глуби степной,
 Зацвели ароматные розы —
 Их не тронут ни солнечный зной,
 Ни ветра, ни песчаные грозы.

Корни соки берут от моих
 Чувств сыновних к земле; лепестки же —
 Как в росе, от надежд молодых.
 Мои розы все ярче, все выше.

О Республика! Я отдаю
 В дар красу эту алого цвета;
 Горд я тем, что в едином строю

Ты заботой народов согрета.

Белых роз подарю я тебе:
Им, как хлопку, сверкать белизною,
Ярко в нашей счастливой судьбе
Светит радость над степью родною.

Только желтых не стану дарить,
Желтых роз, к огорченьям причастных,
Чтоб они не смогли омрачить
Черт высоких твоих и прекрасных.

Всех друзей на торжественный той
Созывает с улыбкой державной
Праздник Каракалпакии славной,
Автономной, советской, степной.

1974

ПОЭМЫ

СТЕПНЫЕ ГРЕЗЫ¹⁴

(Романтическая поэма)

Зной, Засуха —
Охранники пустыни —
Оберегали в глубине веков
Ее непроходимые святыни,
Могучую империю песков.

Людей пустыня предостерегала:
«Не помышляйте покорить меня,
Вам не представить моего накала,
Вам не измерить моего огня.

¹⁴ Главы из поэмы.

Последует печальному примеру
 Содеявший бесславные дела, —
 Не по зубам пришлась я Искандеру,
 Кэйхысрау¹⁵ я голову сняла.

Я — догма!
 Я — пустыня!
 Я — загадка!
 Умрет со мной оставшийся вдвоем,
 Здесь нарушитель вечного порядка
 Моим наказан будет бытием».

Нас бог пустыни думал взять «на бога»,
 Но человек с пустынею на «ты».
 В ее песках проложена дорога
 Извечной человеческой мечты.

*

Тропой песчаной вездеход проехал,
 Как будто к неизведанной звезде.
 В пустой степи не раздастся эхо,
 Мотора рокот гаснет в пустоте.

Геологи!
 Разведчики пустыни
 И робинзоны островов степных!
 Отныне
 Сохранил бы, как святыни,
 Я их костры,
 Места ночевок их.

Я, как Алеко по следам цыганки,
 Готов за ними следовать всегда.
 Обозначает место их стоянки
 Над буровую новая звезда.

¹⁵ Кэйхысрау – Кир, персидский цар-завоеватель, живший в I веке до н.э.

Романтика!
Поэзия!

Но ближе —
Немало прозы в трудном их быту.
Худой шофер пустую флягу лижет,
Вода кипит в моторе на ходу.

Грохочет бочка в кузове пустая,
Романтика не улаждая слух.
И солнце в небе мечется, пылая.
Как брошенный в тандыр
Большой петух

Сказала хрипло девушка шоферу,
Его легонько хлопнув по плечу:
«Пока ты время дашь остыть мотору,
Колодец я в пустыне поищу».

Пустынный Демон молвил Суховею
«Вода кипит.
Не тронутся они.
В моторе воду высуши скорее,
А девушку подальше замани».

Пошла русоволосая Мария,
Ведром порожним звякая в тиши.
Ее глаза —
Озера голубые —
Блестели, как степные миражи.

На горизонте грезилась криница,
Она бежала радостно туда.
Но горизонта зыбкая граница
Отдвигалась,
А за ней — вода.

Вот обронила туфлю...
 Сбила ногу...
 Упала...
 Поднялась...
 И снова в путь...
 А Суховей дорогу понемногу
 Ей удлинял,
 Манил:
 «Еще чуть-чуть!...»

Нашептывал с лукавством человека:
 «Увидишь океана жемчуга,
 Насытишься плодами геурека,
 На грудь приколешь майского жука.

Коврами маков я пески покрою,
 Перемежая синевою вод.
 Подругой и владычицей степною
 Тебя пустынный Демон назовет....»

Мария распростерлась бездыханно
 На раскалившейся сковороде,
 Как лепесток увядшего тюльпана,
 С единственной мечтою о воде.

«Воды!» — звенело в зной ведро пустое.
 «Воды!» — шептали губы...
 Но — увы!
 Жестокий Суховей рукой сухою
 Сорвал, смеясь, косынку с головы.

Он золотые волосы колышет,
 Рассматривает, как они сплелись,
 Чтобы потом с листвою маялыша,
 Отчаянно свистя, умчаться ввысь.

И распростертой на песке Мария
 Осталась неподвижна до зари.

А кто-то ей шептал слова глухие:
«Коль пить захочешь, Сердце подари...»

За голосом плыла воды прохлада,
И виделась,
Подобная ладье,
Лодчонка молодого азиата,
Качающаяся в Амударье.

Черноволосый,
Мускулистый,
Рослый,
К себе Марию в лодку пригласил.
Как искры,
Высекали капли весла,
Дробили волны от избытка сил.

Джигит смеялся широко и щедро
И прыгнул за борт,
Девушку маня.
Ладони человека или ветра
Ее коснулись, горячей огня.

И, поднимая водяные глыбы
(Река была чиста и холодна),
Они вдвоем,
Как две огромных рыбы,
Ныряли
И не доставали дна.

Черноволосый говорил с любовью:
«Мы сделаемся все твоей родней,
Пустыня — Свекром,
Засуха — Свекровью
И братом огнекрылым — Суховей.

Ну, а когда ты будешь нашей веры,
То Бог пустыни, —

Мой родной отец, —
Хранившиеся с мезозойской эры
Тебе подарит клады наконец».

Пытался он обнять ее сильнее.
Мария громко закричала:
«Прочь!» —
И увидала:
В небесах, над нею,
Единственной звездой мерцала ночь...

Когда песчинки барабанят дробью
О камень,
Под барханами, внизу,
Роняет у гранитного надгробья
Родник артезианскую слезу.

Над камнем загораются тюльпаны,
Склоняется белесый маялыш,
И облаков печальных караваны
Плывут в сухую, выжженную тишь.
Над камнем,
Под которым спит Мария,
Взвивается порошею песок,
Горит звезда,
Как будто бы Россия
Зажгла над ней бессмертья огонек...

Промчались караваны грузовые
Всегда перегревавшихся машин.
В пустыне отпечатался впервые
Доселе незнакомый оттиск шин.

Не тигра след
И не орла степного
На сотнях верст песчаной борозды,
Как отпечаток веточки еловой,
Остались незнакомые следы.

Моторов несмолкаемым брожением
Был озадачен Бог степной земли.
Пески многовековые в движенье,
Как будто льды весенние, пришли.

И человек с пустынею отныне
Непримиримы стали навсегда.
За смерть Марии
Человек пустыне
Поклялся мстить.
И он пришел сюда.

О сдаче Бог пустыни и не думал.
И, ненавистью древней обуян,
То град камней
Обрушивал угрюмо,
То на людей
Натравливал буран.

Он мертвецам клеймо на спинах выжег,
Кровь в жилах заморозил у живых,
Монтажников срывал с железных вышек.
Связь обрывал у дальних буровых.

Сек по глазам,
Людей вертел юлою.
Уста сушил.
Надрывно выл в ушах...
И все ж плечо в плечо шагают двое.
Оплачивая жизнью каждый шаг.

Из-под тяжелых век сиянье льется,
Из-под ресниц, покрытых пленкой льда,
Как будто бы на самом дне колодца
Блестит недостижимая вода.

Как существо одно, шли двое рядом,

Утаптывая не пески — снега.
 Один другого называл Азатом,
 Тот отзывался: «Николай-ага?»»

Позавчера метели одеяло
 Их одевало с четырех сторон.
 Компрессорная станция стояла
 В степи,
 Как неприступный бастион.

Сказал синоптик:
 «Нелегко придется
 В пустыне, заплутаетесь одни».
 «Да что ты!
 Все джайляу и колодцы
 Известны нам», —
 Ответили они.

Нет ничего опасней заблужденья,
 Такого ждет нежнее брата смерть.
 Но во сто крат труднее исправленье,
 А не исправишь,
 Та же плата — смерть.

Не вняв советам,
 Крикнув крутоверти:
 «А ну, Устюрт пустынный, отступи!» —
 Азат и Николай навстречу смерти
 Отправились...
 И вот — одни в степи.

О, вьюжная неюжная погода,
 Ни зги не видно,
 Хоть вокруг бело.
 Три долгих дня
 Иль три коротких года,
 Все бились, будто муха о стекло.

Позавчера метель их сбила с толку.
Надеялись еще исполнить долг.
И два грузовика ревели долго,
Пока один от холода не смолк.

Ну, а другой скатился в пасть оврага.
И потерял сознание Азат,
Сломал он руку, падая, бедняга!
И Николай понес его, как брат.

Вышагивая в сапогах чугунных,
Не зная — это тело или труп:
Ведь не сорвалось даже стона
С юных,
От страшной боли посиневших губ.

Труп?..
Это он на трудных перевалах
Натуживался из последних сил
И с громким криком
На плечах усталых
Тяжелые машины выносил.

Труп?..
Это он, усталости не зная,
Один водитель двух грузовиков,
С аппендицитом дядю Николая
В районный город вывез из песков.

Менялись у грузовиков колеса,
Поизносились двигатели их
И кузова.
Лишь дружбе нет износа —
Хлеб поровну делили на двоих.

Вздремнуть уговоривши Николая,
Уснуть костру не разрешал Азат,
О городе нефтяников мечтая,

Он называл его:
«Марияград».

Он до рассвета думал о Марии.
С дымком мечтою уносился ввысь.
Хоть видел,
Как березки молодые
Над холмиком песчаным поднялись.

Сухарь последний размочил Азату,
А сам с ладони теплый снег лизнул.
Не унимаясь
Трое суток кряду,
Буран их белой шубой обернул.

Они ползли,
Уже не шли...
Но верьте:
В трехсуточном немислимом пути,
О собственной и не подумав смерти,
Азата Николай хотел спасти.

Дойдет ли до четвертого рассвета,
Не размышляя,
Просто шел к нему.
Метелица бесилась:
«Что же это,
Он человек иль камень, не пойму?»

А смерть ходила белыми кругами.
Припомнилось:
Окоп и снежный вал.
Где смерть шагала заодно с врагами»
Но падал враг,
А он живой вставал.

Преследуя в тайге непроходимой,
Нацеливала крючковатый клюв,

Вот-вот вонзит...
 Но проходила мимо,
 Могильным холодком в лицо пахнув.

Он сдался бы, наверное, бурану,
 С ним оказавшийся наедине.
 Но спас его товарищ бездыханный,
 Которого тащил он на спине.

Уже давно, на милость ветра злого,
 Упал он, кровь размазав по щеке...
 Но человек, спасающий другого,
 Сильнее,
 Чем идущий налегке.

Все ж, оставаясь только человеком,
 Внезапно потерял сознание он.
 «Два трупа здесь, присыпанные снегом...»
 Услышал голоса людей сквозь сон.

*

Такая тишина в краю пустынном
 В полуденные знойные часы,
 Что слышен трепет струнок паутины,
 Прозрачный шелест крыльев стрекозы.

Молчат кусты.
 Особая краса в них,
 Когда вокруг барханов желтизна.
 Песчаный вихрь, как сумасшедший всадник,
 Промчится вдруг,
 И — снова тишина...

В степную даль смотрю благоговейно,
 Восторженно, не отрывая глаз.
 Я степь люблю,
 Как Гейне — берег Рейна,
 Берне — поле ячменя,

Хафиз — Шираз.

От солнца горизонт белее снега
И вышка, словно восклицанья знак.
Вдруг огненный язык взметнулся в небо
Над буровой,
Как будто яркий флаг.

То засинел он над песчаной далью.
То заблестел на солнце, как кинжал,
То шелковой заколыхался шалью,
А то фонтаном брызги разбросал.

Пустыня под ногами задрожала,
Не удержался на ногах я сам.
Видать, не пожалели аммонала,
Чтоб с нею нас подбросить к небесам.

Когда равнины накренилась плоскость,
Подумал я:
Вот — атом, это он.
Или корабль сейчас запущен в космос,
Или открыт учебный полигон?

И тишина вторично раскололась:
Скрип тормозов почти над головой...
И тут услышал я знакомый голос:
«Поэт!
Здорово!
Едем к буровой!»

А может, это голубое пламя
Ты воспоешь хоть маленьким стишком?..
Предупреждаю: шутки между нами
Здесь приняты — таков степей закон.

И русский парень с темной бородою,
И мой земляк смеялись от души.

Объединясь с моей степной мечтою.
 Они просили оба:
 «Напиши!»
 Я напишу,
 Когда слова такие
 В душе рождаются. Верю, напишу
 И о степи родной, и о России,
 Клянусь — пока живу, пока дышу.

Я напишу:
 Как в зной или морозы
 Идут друзья в снега или пески.
 Я напишу...
 И вдруг степные грезы
 Нахлынули:
 Ползут грузовики...
 По жизни рядом и до смерти рядом.
 Дружнее и верней, чем с брагом брат.
 И в их кабинах Николай с Азатом ..
 Они о чем-то издали кричат.

Я не услышал,
 Но навстречу вышел,
 Туда, где ослепительная синь,
 Где пламя над одной из дальних вышек,
 Где детством пахнет пряная полынь.

Полынь!..
 К мечте шагаю ранней ранью,
 Туда, к необозримости степей,
 Где у меня назначено свиданье
 С любовью неизменной моей.

1964

ТОМИРИС¹⁶

(Массагетская поэма)

«...Клянусь Солнцем, владыкою массагетов, я утолю твою жажду крови, хоть ты и ненасытен»,— сказала Томирис персидскому царю Киру.

Геродот. История, I, 214

Массагеты доказали свою доблесть в той войне с
Киром...

Страбон. География, XI, 8

Так и женщина стала боевым кличем.

Бердах. Родословие

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Томирис! Материнское горе
Клонит гордую голову вниз,
Боль на сердце и темень во взоре —
Тяжела твоя скорбь, Томирис.
Но про царскую помни корону,
Слабость женскую прочь прогони;
Массагеты от горя не стонут,
Головы не склоняют они.
Конь надежды твоей воротился,
Но, увы, опустело седло...

¹⁶ В основе поэмы лежит рассказ Геродота (V в. до н. э.) о борьбе массагетской царицы Томирис с Киром — основателем древнеперсидской государственности. Массагеты жили между Оксом (Амударьей) и Яксартом (Сырдарьей) на большом пространстве к востоку от Каспия. Отдельные их племена, которые обитали на островах и болотах вблизи Оксианы (Аральского моря)…, являлись первоначально современными каракалпаков.

Чуть вражье войско в бегство обратилось,
 За ним погнались мы в густой пыли,
 Но Солнце в этот день на нас гневилось.
 Разостланный в пустыне дастархан¹⁸
 Предстал пред нами вдруг в разгар погони.
 Вокруг него мы свой разбили стан...
 И ждали нерасседланные кони,
 Пока мы мяса вдоволь поедим;
 Напиток в бурдюках шипел отменный,
 И пили мы и наслаждались им,
 Не ведая коварства влаги пенной.
 Рвалась душа куда-то... Сон морил,
 И наливалась голова туманом,
 Потом бороться с ним не стало сил.
 Так захватили нас враги обманом.

Воспоминанье тяжелей горы —
 Тот день был унижительный и скверный:
 Враг ликовал победные пиры,
 Когда очнулись мы порой вечерней.
 Жгуты и на руках и на ногах,
 Недвижные лежим — живые трупы.
 Хохочет на походном троне шах.
 Позором нашим упиваясь глупо.
 Вдруг на ноги вскочил из нас один,
 Пред голубым шатром сверкнул очами —
 То был могучий Спаргапис, твой сын:
 «Шах, ты победу одержал над нами,
 Но прикажи мне руки развязать, —
 Твой пленник, я хочу вздохнуть свободно.
 О массагетах что-нибудь узнать
 От сына ль Томирис тебе угодно?»

Подумал я: «Дрожишь, джигит, юлишь,
 Честь массагета-воина порочишь.
 Как говорят, нужней живая мышь,

¹⁸ Д а с т а р х а н — здесь: пиршественные яства.

Чем мертвый лев... Ты вот о чем хлопочешь!»

На кубок посмотрел, подумал Кир...
 (Проклятое питье в том кубке было.)
 «От настоящей матери — батыр¹⁹
 А резвый конь — от стоящей кобылы.
 Гляжу я на тебя — ты смел, юнец.
 За храбрость и врага я уважаю.
 Рукою твердой правил твой отец,
 К своей стране чужих не подпуская.
 К нам слухи что ни год о нем неслись.
 Жаль, извели его, согнали с трона
 И власть отдали в руки Томирис.
 Ну что ж, к лицу красавице корона.
 Хоразм и Согд²⁰ давно кидает в жар —
 Наперебой к себе царицу клонят...
 Ищи в горах убежище, архар,
 Когда тебя охотник степью гонит!
 Высокую вершину покорил
 Орел благодаря могучим крыльям...
 Ахурамазда²¹ добрый наградил
 Меня великим царством и всесильем.
 Он славное оружие мне дал.
 Мир изрубив мечом, копьем истыкав,
 Я непокорных всюду покорял —
 Мидян, парфян, бактрийцев и дербиков²²

¹⁹ Батыр – герой, богатырь.

²⁰ Хоразм (Хорезм) — крупное рабовладельческое государство в верхней дельте Амударьи, сложившееся в середине I тысячелетия до н. э.; Согд — древнее государство между Оксом и Яксартом со столицей Марэкандой, находившейся вблизи нынешнего Самарканда.

²¹ А х у р а м а з д а - в древнеперсидской религии верховное божество, создатель неба, земли, человека, а также покровитель царя, гарант государственной правопорядка.

²² Б а к т р и й ц ы , м и д я н е , п а р ф я н е — соответственно жители Бактрии, древнего государства в бассейне средней и верхней Амударьи; Мидии, области к югу от Копет-Дага и Каспийского моря, на территории которой в VI веке до н. э. возникло крупное государство; Парфии,

К чему противоборствуете мне,
 Где разум ваш кочует, массагеты?
 Полмира я собрал в моей стране,
 Пойми, юнец, подвластны мне полсвета!
 Грядущее свое предугадав,
 Пусть Томирис к раздорам не стремится
 И, Кира покровителем признав,
 Пожалуй, пусть останется царицей.
 Спокойно заживет наш древний род
 Мне, Персии судьбу свою доверя.
 Тогда лишь ветер в юрты к вам войдет.
 Лишь он посмеет рваться в ваши двери.
 Да где!.. Твоя всезнающая мать
 Невеждой как была, так и осталась.
 И суждено ей сына потерять,
 И в западне треть войска оказалась
 Ха! Управляет женщина страной! —
 Мы только в ваших землях видим это.
 Быть головой народа и — одной?
 Да где ж мужчины ваши, массагеты!
 Не мать, а должен ты, лишь ты один
 Народом править, власть забравши круто!..»
 Сказал слова такие властелин,
 Снять повелев с локтей батыра путы.

«Шах, доказала правоту твою
 Победа, что навек защежит души.
 Ты мудро поступил. Тебе спою
 Я песню массагетскую. Послушай.

В упряжке тигр взамен коня,
 Увы, не вырулит меня.
 Пусть кровь во рту сгустится в ком —
 Не плюйся кровью пред врагом.
 Архара посади на цепь —

Умрет он, вспоминая степь.
Мозг виноват — рука права:
Расстанься с шеей, голова!»

Он выхватил у стражника кинжал,
Сверкнул клинок, и — упорхнула птица...
Я плакал, я от зависти дрожал.
Дочь Солнца Томирис, моя царица!
Отважной смертью долг свой заплатил
Твой сын,

военачальник мой,

мой идол.

Не враг сразил—он сам себя пронзил,
Но массагетских тайн врагу не выдал!
Я тоже умер...

Я мертвец, и все ж

На голову позор от всех приемлю:
Мелькнул два раза надо мною нож.
Отрубленные, шлепнулись на землю
Два уха... Палачу от шаха честь:
Шах приказал их подобрать и съесть.
Боль униженья воин ли снесет!..
Меж тем меня готовили к дороге;
В седло сажали задом наперед,
Вязали руки, спутывали ноги
С напутствием от шаха к Томирис:
Мол, пусть она взывает к Солнцу-богу,
Чтоб ей в грядущем битвы удались,
Вот так меня отправили в дорогу.
Прощай, царица! Передал как есть
И срамный долг свой выполнил твой воин...
Я скорбную тебе поведал весть
И быть с тобою рядом — недостоин.
Я унесу подальше от людей
Следы невыносимого позора,
Меня еще припомнит лиходей...»
И он исчез во тьме проворней вора.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Будь проклят день, что в тьме кромешной!
 Ты душу истерзал и плоть.
 Убитой горем, безутешной
 Тоску легко ли побороть?
 И сердце матери-царицы —
 Как голубь, сбитый хищной птицей;
 И чья-то цепкая рука
 Трясет и мучит голубка.
 Рука коварная и злая,—
 Не оттолкнуть ее никак! —
 Степной цветок сорвать желая,
 В тугой сжимается кулак.
 Безжалостна и волосата.
 Уже пугавшая когда-то,
 Увы, сегодня вновь она
 Над Томирис занесена.

О память! Отступи, не мучай!..
 Иные страны покорив,
 Давно персидский шах могучий
 Над Томирис

навис, как гриф.

В мозгу всплывает воспаленном:
 Прикинулся тогда влюбленным
 В нее, царицу, хитрый шах.
 Доверься — будь в его руках!
 Она послам его сказала:
 «За честь весьма благодарим»,
 Да с миром их и отослала.
 Кир, лютой злобой одержим
 И распален ее ответом,
 Пришел с войною к массагетам,
 Чтоб доказать свою любовь.
 Пролив в степях широких кровь.
 Пригнал бесчисленное войско

И стал на Оксе, вдоль реки,
 Плоты вязать и по-геройски
 Дуть в меховые бурдюки.
 Еще бы лодок плоскодонных...
 Тем временем к нему два конных
 По порученью Томирис
 Вплавь через Оке перебрались.
 Царица вразумляла Кира:
 «Опомнись, о великий шах!
 Тебе, завоеватель мира,
 Нужда ли в наших-то степях?
 Богат и славен повсеместно,
 Тебе за Оксом разве тесно?
 Не сала ль ищешь, чтоб усы
 Себе помазать для красоты?²³
 Или в стране твоей огромной,
 Как я, вдовицы нет такой?
 Не нарушай ты силой темной
 Народа мирного покой.
 Коней, овец пасет он либо
 Охотится да ловит рыбу...
 Шах, отступись, оставь наш край,
 Людскую кровь не проливай!»
 Не слушал Кир,
 Гонимый жаждой
 Захватывать и разорять,
 Войска свои злодей однажды
 Стал через Оке переправлять.
 В бою побила силу сила,
 Коварство — сильных победило;
 И вот известье: много жертв,
 Любимый сын царицы мертв.
 Кто их, обманутых, осудит!
 По мертвым — только тосковать...
 Горюющую душу нудит

²³ Намек на старинную притчу о бедняке, державшем кусок сала, чтобы мазать себе усы и выглядеть зажиточным, только что хорошо поевшим.

Их тяжкий стон:
 «Прости нас, мать!»
 Чуть Томирис глаза прикроет —
 Пред нею длинной чередою
 Идут ее богатыри И говорят ей:
 «Собери
 Волос рассыпавшихся пену,
 Будь беспощадна, будь смела!»
 И вот царица постепенно
 Очнулась, встала — ожила.
 Она — не женщина отныне:
 С врагом ей драться, как мужчине! —
 И арбек, свой женский знак,
 Сняла и кинула в очаг —
 Так исстари в роду ведется...
 Из юрты выскочили прочь
 Ее старшины, полководцы.
 Густела тьма. Стояла ночь.

Сраженная огнем небесным,
 Чинара старая торчит.
 Толпа все гуще. В круге тесном
 Костер разложенный трещит.
 Рычит народ.

От черной вести

На лицах гнев и жажда мести,
 Зикр — массагетский танец-хор —
 Врагам выносит приговор.
 Вдруг стихло все, и стало глуше,
 Чем в голове того телка,
 Которому вlepили в уши
 Два оглушительных шлепка.
 К костру, на середину круга,
 Явилась поступью упругой,
 Небесной прелести полна,
 Царица — светлая луна.
 Под шитым поясом трепещет
 Ее волнующая стать,

В глазах-угольях звезды блещут,
 Что мир могли бы осиять.
 Тьму ночи прочь отодвигая,
 Багровым пламенем сверкая,
 Сын Солнца, светлый Дух огня²⁴
 Дарил ей свет, что ярче дня.

«Ты, массагетский род старинный,
 Ты, степь свободная моя,
 Что кровь впитала с пуповины,
 Когда на свет рождалась я!
 Коль струшу или изменю вам,
 Пусть черный ворон хищным клювом
 Глаза мне выклюет...»

И вниз

Хитон рванула Томирис.
 Толпа вздохнула, простонала.
 Склонилась Томирис к огню
 И — к правому сосцу прижала
 Пылающую головню.
 То страшная была присяга.
 Желанье мести, гнев, отвага,
 Прилив необычайных сил
 Вмиг массагетов охватил.
 К огню старик шаман теснится,
 Раскрыл он шамкающий рот:
 «Дочь Солнца, милая царица,
 Смотри, тебя удача ждет:
 Вон Тиштрия-звезда на счастье
 Конем сверкает белой масти²⁵
 Да будет славен твой удел!»

²⁴ Имеется в виду Атар (Огонь), считавшийся также сыном божества Ахурамазды, внуком Воды.

²⁵ В древнем персо-таджикском памятнике «Авеста» в Тиштр-Яште (Молебствии Сириусу) ярко сверкающая в небе звезда Тиштрия (Сириус) последовательно перевоплощается в отрока, затем в золоторого быка и, наконец, в белого коня, пребывая в каждом из этих воплощений по десять ночей.

Он руки к небесам воздел
 И вдруг в припадке беснованья
 Метнулся в глубину костра.
 Толпа плясала, и камланье
 Не прекращалось до утра.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Чубатые стяги из конских волос
 Трепещут, на жерди надеты.
 И цепью, и валом, и кучей вразброс
 Выходят в поход массагеты.
 В пути растянулись в дневной переход
 Походные их вереницы, —
 Так четко прочеркивают небосвод
 Стрелой
перелетные птицы.
 Лавина людей покидает страну,
 Озера ее и болотца,
 Там будит высокий тростник тишину,
 Там ветер один остается...
 В походе — тяжелая поступь коней.
 Гортанные выкрики, кличи,
 Дрожанье земли — все сильнее
и сильнее —
 И всполохи вспугнутой дичи.
 Глава вереницы с утра у горы
 Проснулась — и путь продолжает;
 Там к вечеру хвост вереницы костры
 Разводит, вьюки разгружает.
 Как будто сгустилась над войском гроза,
 Как будто бы тучи наплыли:
 То Солнце лучистые жмурит глаза
 В оранжевом облаке пыли.
 Вороны кровавого пиршества ждут,
 Кружат над людьми и конями.
 В безводье ступив, массагеты идут
 Без отдыха, даже ночами.

Не водятся тут ни корсак, ни лиса —
 Спи, ткнувшись в гривастую шею...
 Три раза светлели уже небеса,
 И стали в четвертый светлее,
 Когда впереди заблестела река.
 Коней наконец расседлали;
 День целый на Оке подходили войска.
 Всю ночь у костров отдыхали.
 Под самое утро семь лучших коней
 В честь Солнца зарезаны были.
 Царица и все массагеты за ней
 К восходу лицо обратили.
 Шолпан²⁶ удалилась, лик Солнца узрев;
 Дстойная с нею сравненья
 Дочь вольных степей начала нараспев
 Глаголить слова поклоненья.

ПОКЛОНЕНИЕ МАССАГЕТОВ СОЛНЦУ

Громким ржаньем степь огласивший,
 Злато крепких удил закусивший
 Быстроногий жертвенный конь
 Полетит к тебе, Солнце-огонь.
 Помоги нам, доброе Солнце,
 Поддержи нас, быстрое Солнце!

В бубен кожаный бьет сама
 В небе злая Гюлдир-мама²⁷ ...
 Ты на пастбищах травы растишь,
 Шевелишь приозерный камыш —
 Помоги нам, щедрое Солнце,
 Поддержи нас, доброе Солнце!

Повели, чтобы белый козел

²⁷ Г ю л д и р - м а м а — старуха-громовержица, покровительница грома.

Всю отару в кошару отвел;
 Повели, чтоб скакун быстроногий
 Не споткнулся, рыся по дороге.
 Помоги нам, доброе Солнце,
 Поддержи нас, быстрое Солнце!

Пусть очаг наш горит негасимо,
 Пусть промчатся все беды мимо.
 Пусть тела будут силой налиты
 И крепки у коней копыта.
 Помоги нам, доброе Солнце,
 Поддержи нас, гневное Солнце!

Покажи нам всех гор вершины,
 Дай увидеть нам вражьи спины.
 Дашь удачу — большую дай.
 Если смерть — от меча пускай.
 Нашим юртам дай мирные дни,
 От огня, от воды храни.
 Помоги нам, доброе Солнце,
 Поддержи нас, светлое Солнце!

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Так встретив утро, Солнцу поклонясь.
 Батыра Томирис к себе зовет
 И, на его отвагу положась,
 Рискованный приказ ему дает:
 «Поедешь к шаху. Собирайся в путь.
 Троих джигитов в спутники даю.
 Предстанешь перед Киром — не забудь
 Пересказать до слова речь мою:
 «Не хвастай силой, кровожадный Кир!
 Ты кровью хочешь обогреть весь мир,
 Но от нее кружится голова.
 Вот первые мои тебе слова.
 Слова вторые: хитрости оставь.
 Коль честью дорожишь, так не лукавь!

Мой сын не в честной битве побежден —
 Питьем коварным подло опоен.
 Сок винограда, сладкий и густой,
 В дурман вы превращаете, в отстой;
 Напьетесь — обезумеете вмиг,
 И непотребно говорит язык.
 Увы, мой сын неосторожен был,
 Он за ошибку жизнью заплатил.
 О ты, виновник множества смертей.
 Точится яд из-под твоих ногтей.
 Ты рану мне жестокою нанес,
 Ужели ты и вправду — кровосос?!
 Ужель, покуда жив ты. вновь и вновь.
 Все будешь пить и пить людскую кровь?
 Верни мне тех, кто жив в твоём плену,
 И с войском уходи в свою страну.
 Там, в Персии, любой цветущий сад
 Тебе доставит множество услад.
 Отвергнешь ныне добрый мой совет —
 Познаешь завтра горечь многих бед.
 Услышь сегодня истину в словах,
 Чтоб завтра не раскаиваться, шах!
 Но если, ненасытен и упрям,
 Ты силой угрожать посмеешь нам,
 Я клятву Солнцу вечному даю:
 Тебя досыта кровью напою!»
 Быстрее ветра конники неслись,
 До неба столб из пыли выростал...
 Кир, слушая посланье Томирис,
 Кривлялся и беспечно хохотал.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

«Дочь Солнца» — звали массагеты
 Прекрасную свою царицу,
 Не вопрошая, как же это
 Дочь Солнца в мир могла явиться.
 О таинстве рожденья девы

В небесной книге не прочтете:
Родилась Томирис из чрева
И от животворящей плоти.

Единовластно в дни былые
За Оксом мать ее царила,
Где прежде Царство женщин было,
Где нам, мужчины удалые,
Надолго задали острастку!..
Вот была, похожая на сказку.

Вам, человеческого рода
Прекраснейшая половина,
Вам предназначила природа
Рожать, быть спутником мужчины.

Но вас обида одолела:
Мужчины, гордые тираны,
Дарили жгучей лаской тело,
А сердцу наносили раны.
Не сказка — мало их на свете ль! —
История тому свидетель:
Одно из женских поколений
В свою девическую пору
Мужчин склонило на колени
К их безусловному позору.
И было им, мужчинам, скверно,
А девы

 волей беспримерной
Отдельный трон себе воздвигли
Вдали, на острове...

 Ну, словом,
Великомужества достигли
В уединении суровом.
Обузданных, покорных трону
Мужчин вдали держали девы...

Кто б ваше Царство женщин тронул,

Будь заодно, едины все вы!
 И многожды то царство было
 Во все века в стихах воспето:
 Единство красоты и силы —
 Вот потрясение для света!
 И я в порыве вдохновенья
 Его, быть может, тоже славил,
 Но есть такое ощущение,
 Что я увлекся и слукавил.
 Да жизнь ли это, в самом деле,
 Когда любимого не знаешь!
 Век без любви — борьба без цели,
 А что ты в мире оставляешь?
 Зачем бескрылая орлица,
 Очаг, где пламя не разыграло?
 Зачем в ручье воде струиться,
 Коль и земли не напитала?
 Зачем скала с могучей грудью,
 Коль эту грудь не глядят волны?..
 Когда жужжанье пчел не будит
 Цветов степных в расцвете полном,
 Когда деревья увядают,
 Не отягченные плодами...
 Кто добровольно выбирает
 Таковую жизнь? Судите сами...

Нет слов, красива лебедь-птица,
 Но в паре — краше многократно.
 И строгая к себе царица
 Уразумела, вероятно,
 Что в жизни истинно, что ложно,
 Клятвопреступницей стала:
 С царем соседним бестревожно,
 Неосторожно поиграла
 И понесла во чреве скоро...
 Скрываясь,
 утреннюю ранью
 Ушла беременная в горы,

Одна ушла, с жеребой ланью.
 И дважды там свершились роды.
 Судьбе дитя свое доверя,
 Царица вышла на свободу,
 А дочь оставила в пещере...

Семь раз уж застывали воды,
 Деревья в зелень одевались,
 И полосатые удоды
 Семь раз на сопках объявлялись.
 Однажды, небольшим отрядом
 В степи охотясь на оленей,
 Погнались всадницы за стадом.
 Вдруг перед ними быстрой тенью
 Гольшка-девочка помчалась —
 Смуглянку словно ветер нес,
 Издалека в глаза бросалась
 Густая тьма ее волос.
 Задав коням лихую гонку —
 Кто с ходу вправо взял, кто влево —
 Словили наконец девчонку
 И привезли к царице девы.
 Стоит девчонка-семилетка
 И в первый раз глядит на мать:
 Царице сердце — птицу в клетке —
 Пред этим взглядом не унять.
 К неопаленной левой груди
 Вдруг молоко ей подступило.
 Но, чувство замолчать принудя,
 Спокойно дев благодарила,
 Сказав им:

«Солнце пожелало,
 Явившись мне сегодня в ночь,
 Чтоб я ребенка воспитала.
 Смуглянку выращу как дочь».

О Томирис! Ты дни и годы
 Привыкнуть к дому не умела;

К оленям, в степь, дитя свободы»
 Ты убежала то и дело.
 Там на безлюдье, на приволье,
 Душе и телу — полный роздых:
 Там в пшце нет противной соли,
 В низине влага, небо — в звездах;
 Бывала голодна — орла ты
 Сражала на лету из лука.
 Так у людей переняла ты
 Пока всего одну науку...
 Потом уж, девушкой-подростком,
 Ты приняла и все людское,
 Но что досталось в детстве жестком,
 Осталось навсегда с тобою:
 И настороженность сайгачья,
 И безоглядная отвага,
 И зоркость черных глаз в придачу,
 И стройность ног, и мягкость шага.
 Прабабкою каракалпачки,
 О Томирис, была не ты ли?..
 Что ж, наши девушки-степнячки
 Твое наследье сохранили.

Весь долгий день, один из многих,
 Дичком в степи она играла —
 Джейранов легких, быстроногих,
 Как ветер, мчась, перегоняла.
 На дереве высоком к ночи
 На отдых дева примостилась.
 Спала... От трескотни сорочьей
 Уже под утро пробудилась.
 Внизу, под деревом, в засаде
 Голодный тигр сайгака ждал.
 Прыжок ему на спину — сзади
 Вонзился в хищника кинжал!
 В агонии когтистой лапой
 Тигр насмерть в Томирис вцепился,
 Давясь от собственного храпа,

Подмял, всей тушей навалился.
 Тут жарко разгорелась схватка,
 И Томирис изнемогла...
 Внезапно зверю под лопатку
 Вошла звенящая стрела.
 Тигр дрогнул, вытянулся, замер.
 Искала дева в изумленье
 Еще тревожными глазами,
 Откуда к ней пришло спасенье.
 Приподнялась и видит — что же?
 Мужчина, лучник перед ней!
 Сперва забилась было в дрожи
 И — стихла, стала вдруг смирней.
 Дочь царская не знала толком,
 Но догадалась: вот мужчина.
 И наблюдала тихомолком,
 Как улыбается детина.

Дни — не тянулись, время мчалось
 Оленем на степном просторе;
 С мужчиной Томирис встречалась,
 К нему совсем привыкла вскоре.
 Он в деве женщину разбудит:
 Душа горела, чувства зрели,
 Девичьи маленькие груди,
 Как рожки у бычка, твердели.

...Была им степь надежной свахой:
 Барахтались в траве высокой,
 Не знали робости и страха
 И были счастливы... до срока.
 Сказал джигит:

«Моя царица,

Так дальше жить тебе опасно:
 За пазухой, как говорится,
 Не спрячешь хвост лисицы красной.
 От материнского-то взгляда
 Ничто не может быть укрыто.

Дознаются — не жди пощады...
Но есть же храбрость у джигита
И сила есть! Пойду — не струшу —
На Царство женское войною,
Все уничтожу, все разрушу,
А ты, газель, пойдешь со мною!»

И вот, как утверждают деды,
Сорокадневное сражение
Мужчинам принесло победу,
А Царству женщин — поражение.
Не ведал победитель грозный,
Как неоправданно жесток он:
Не внял мольбе народа слезной —
Царице голову отсек он
И, Томирис забравши в жены,
Не мужем стал ей, а тираном!
Семь лет не утихали стоны,
И люди в страхе постоянном
Семь лет терпели, выжидали,
А силу в стороне копили.
Однажды на него напали
И в лютом гневе умертвили.
Дочь Солнца Томирис — царица,
Ей — массагетскую корону!
Никто отныне не решится
И кошек массагетских тронуть.
Спокойные настали годы —
Без войн, без битв, без мелкой драки,
Лишь с дружкой шли сюда пароды:
Согдийцы, хоразмиицы, саки;
Скот множился,
 в местах пустынных
Садами пах каленый воздух,
И птицы на овечьих спинах
Свивали без опаски гнезда...

Но жизни мирное течение

Свирепый шах нарушить хочет.
Грядет великое сраженье, Польется кровь и заклокочет.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Уже не легенда, а быль...
Два вала, друг другу навстречу,
Вздымая летучую пыль,
Пошли на кровавую сечу.
И рокот глухой нарастал,
Все громче, грозней становился;
Он словно бы бился средь скал,
Из пропасти выход искал
И — в рев наконец превратился,
Вот горы вдали сотряслись
От грохота, гула и звона:
На пиршестве смерти сплелись
Два алчущих крови дракона
И вгрызлись — вонзили клыки
Друг другу в змеиное тело...
На битву!

И сшиблись полки,
Нацелены острые стрелы.
Вот кожаный бич завизжал,
Вот лук изогнулся упруго,
И первый метнулся кинжал,
И вспорота чья-то кольчуга.
Секир ослепительных медь...
Рука, охватившая гриву...
Кровь брызнула — черная смерть
Тотчас отыскала поживу,
Но свой ненасытный живот
Не туго покамест набила...
Тут сила на силу идет,
Там хитрость в сраженье вступила.
С размаху ударившись в щит,
Меч лязгает, искрами брызжа.
Копь прынул и рухнул с копыт —

Под брюхом багряная жижа.
 Вонзаются в жаркую грудь
 Холодные копья и пики.
 Клич мщенья, кровавая жуть,
 Предсмертные хрипы и крики.
 Змеиноголовы, страшны,
 Схватились, как люди, верблюды...
 Все выше на поле войны
 Растут неподвижные груды.

С холма неприступного шах
 На битву взирает спесиво:
 Разбить неприятеля в прах
 Давно уже Киру не диво.
 Сатрапы покорные с ним
 И Крез тут, лидиец лукавый,²⁸
 Уверен, что непобедим
 Властитель огромной державы.
 Прикажет монаршья рука,
 И в битву пойдут легионы
 Наемных колоссов — войска
 Ассирии и Вавилона.
 Они выручали не раз,
 Не жаден и шах на посулы...

Но что-то не слышит сейчас
 Он с поля победного гула.
 Наемников царских теснят —
 Ни стойкости в них, ни отваги;
 Треть войска отходит назад,
 Роняя в сумятице стяги.
 Насупился царственный лик,
 Властитель три дня в раздраженье:
 Он в битвах величья достиг,
 Он к легким победам привык

²⁸ К р е з — царь Лидии (область в Малой Азии), сатрапии державы Ахеменидов.

И — сник, угадав поражение.
 Гонцов к нему темники шлют
 За помощью,
 трижды побиты...

То гневен воитель и лют,
 То смех на губах ядовитый.
 В начале четвертого дня,
 Покорные жесту владыки,
 Давя, сокрушая, тесня,
 Пошли слоноводы-дербики
 Народ кочевой оробел,
 Ужасны слоны-исполины:
 Лавина свистящая стрел
 Для них — что укусы комариный.

Победные звуки трубы —
 Утеха для царской гордыни!..
 Скитались, уйдя от борьбы,
 Три дня массагеты в пустыне,
 Манили врагов за собой;
 Час выбрав,
 коней повернули,
 Стремительно кинулись в бой,
 И снова секиры блеснули!..

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

Оке полноводный, величавый,
 Как ныне,
 много лет назад
 Точил высокий берег правый...
 ...Печально смотрит на закат
 У берега, в степи, гробница,
 И родничок — змеиный глаз —
 Здесь из расселины струится,
 Чист, как слезинка, как алмаз!
 Фазанов бегающих стая,
 Густой осоки желтый мед.

И, головы не отрывая.
 Конь, не разнуздан, пьет и пьет.
 Кто, обхватив плиту гробницы.
 Прижался к ней,
 ничком лежит?

То массагетская царица
 Над прахом матери скорбит.
 Здесь все ей близко, все ей мило:
 Здесь родилась она на свет,
 Лань молоком ее вскормила.
 Здесь были игры детских лет.
 Здесь и любовь она познала,
 Нашла и потеряла мать.
 А муж? От тигра спас сначала,
 Потом вонзил ей в душу жало!..
 Не муж он был — убийца-зять.
 И над поруганной любовью,
 От горя, что поныне жжет,
 Приникнув жарко к изголовью,
 Дочь на могиле слезы льет.
 И грустно каменные бабы²⁹
 Над нею произносят речь:
 «Зачем крепишь рукою слабой
 На поясе тяжелый меч!..»

...А там, вдали, в песчаной туче
 Бурлил, ревел кровавый вал,
 То набегал, лихой, могучий,
 То ненадолго отступал.

Устав с тоской своей бороться,
 С гробницы встала Томирис,
 И вокруг царицы полководцы
 На сход вечерний собрались.

²⁹ Каменные бабы – вытесненные из камня, величественные надгробья на древних захоронениях. Остатки их сохранились в среднеазиатских степях до наших дней.

Совет держали до рассвета.
 Из-за горы взошла Шолпан —
 Зашевелились массагеты:
 В кольчугу белую одета,
 Дочь Солнца объезжала стан.
 Все умывались, воду пили
 Холодную,

из родника.

Места свои занять спешили —
 Царица строила войска.
 И вот, резвее резвой лани
 Вскочив на белого коня,
 Лавину воев к новой брани
 Ведет она с началом дня.
 Степному воинству навстречу
 Звезда сияет сквозь туман,
 И снова возгласы:

«На сечу!»

«Дай нам победу, Акшолпан!»³⁰

И, как две тучи грозовые,
 Два войска на холме слились;
 Вновь пики гнутся боевые;
 Ярясь, глаза в глаза впились,
 Зрачки сошлись — не видят цели, —
 На лоб с натуги лезет бровь, —
 Остервенели,

озверели!

Песок и кровь.

Песок и кровь.

Как люди все ж непостижимы! —
 В них зла и щедрости размах;
 То добротою одержимы,
 То месть жестокая в сердцах,
 Кто от людей рожден,
 тот вправе ль

³⁰ А к ш о л п а н — Белая Венера.

Творить убийства без числа?
Что ж,
 Каином убитый Авель
Иным — лишь оправданье зла!
Увы, со дня творенья люди
На страх за жизнь обречены
И на создание орудий
Жестоких пыток и войны.
Война — изгнание покоя,
Уничтоженья черный стяг
И кровь, пролитая рекою.
Война — вот Жизни главный враг!

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

Вы, создатели древних деспотий,
Вы, новейших времен палачи, —
Вы не люди из крови и плоти,
Твари вы, на манер саранчи:
Налетаете, грабите, бьете,
Упиваясь убийством, войной;
Кровь людскую веками вы пьете,
Раздираете шар наш земной.
Ваша цель — на колени поставить
Пред собой человеческий род;
Разделяя и властвуя, править,
Поднимая народ на народ.
Век от века меняли мотивы,
Век от века меняли пути,
Но во все времена — палачи вы,
И от гибели вам не уйти!
Где ж пришельцы, топтавшие тупо
Мирных, вольных кочевников край?
Степь на версты усеяли трупы.
Кто лежит там — попробуй узнай!..
Чья там кровь на верблюжьей колючке —
Полководца ль, что бредил войной.
Земледельца ль?

В бессрочной отлучке

Он оплакан детьми и женой,
 Или мастер гончарного круга.
 Не желавший идти воевать,
 Без опоры оставил подругу,
 Без кормильца — печальную мать?
 Вор богатый ли, бедный — все вор он!..
 ...Этот навзничь лежит, этот — ниц.
 Персиянину ль выклевал ворон
 Клювом хищным глаза из глазниц?
 Массажета ли с грудью пробитой
 Мать-земля навсегда приютит?
 Был он родине верной защитой.
 Меч отброшен.

Расколот и щит...

Мертвецов оглядев, перещупав,
 Массажеты в песчаной пыли
 Среди безвестных, неузнанных трупов
 Тело грозного Кира нашли.
 Ближе всех к нему воин безухий
 В массажетской одежде лежал.
 И торчал в развороченном брюхе
 У персидского шаха кинжал.
 И главу отделили от тела...

...На отвесной скале Томирис
 Оперлась на копье, почернела!..
 Кровь и пот на лице запеклись.
 Луч заката еще золотится,
 Зацепившись за горную цепь.
 Долгим взором обводит царица
 Цепенелую в сумраке степь.
 Скорбь воительницы прекрасной,
 Как и доблесть ее, велика.
 Катит воды свои бесстрастно
 Гордый Оке.

Говорит река:

«С берегов моих прочь ступайте,

До людей мне и дела нет.
 Братья, братьев своих убивайте,
 Коль не дорог вам белый свет.
 Только знайте, все быстротечно,
 Все имеет свои края,
 Все — конечно.
 Что в мире вечно?
 Вечны двое мы: время и я».

Но, не слушая речи чванной,
 Люди свежей воды напились,
 Взобрались на берег песчаный,
 Внемяют гневным словам Томирис.
 «Чужеземный завоеватель,
 Ты себя над людьми вознес;
 Ты, чужого добра искатель,
 Создал реки кровавых слез.
 Получил ты урок полезный...
 Раскаленный железный прут
 Кочергою — тоже железной! —
 Ковали из огня достают.
 Меч, преследуя нас упрямо,
 Напоролся на прочный щит.
 Кто другому копает яму,
 Сам в нее же и угодит.
 Видно, алчность не знает границы;
 Жив ты — жадность в глазах велика,
 А умрешь — и присыплет глазницы
 Только горстка сухого песка.
 Кир, отверг ты мои увещанья,
 Что ж, исполню я клятву мою
 И досыта тебя на прощанье
 Кровью, кровью живой напою!»
 Тут взяла она голову шаха,
 Поддержала немного и вдруг
 Окунула спокойно, без страха,
 В полный кровью овчинный бурдюк....

Массагеты! Вы — барсы пустыни,
 Быстроноги, крепки и ловки,
 Мир в степи поселили отныне,
 Вышли к берегу Окса-реки.
 Вышло гордое, сильное племя,
 Одолевшее тяжесть потерь.
 Стало прошлым тяжелое время, —
 Нет, никто не грозит вам теперь.
 Поколения сменятся... Годы
 Залатают пробитую брешь.
 Степь — Судьба вековая народа,
 Оке — Истории зримый рубеж.
 О потомки! Был век тот жестокий
 Массагетами прожит не зря!..

...Небо с краю — кулан белобокий,
 Загорелась заря на востоке,
 То великой надежды заря!

Нукус, 1969—1970 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

О себе

СТИХОТВОРЕНИЯ

Строки первой любви. *Перевод П. Вячеславова*

Черный тал. *Перевод Г. Пагирева*

Стыдись быть тщеславным. *Перевод В. Савельева*

Четверостишия

«На горный ручеек дивился я всегда...»

Перевод С. Северцева

«Над спелым яблоком усевшись на листок...» *Перевод С.*

Северцева

«На пенье соловья дивятся стар и млад. . *Перевод С.*

Северцева

«Привил я скромный черенок...» *Перевод С. Ломинадзе*

К Амударье. *Перевод Е. Коришунова*
 Воспоминания на ивовом берегу. *Перевод*
О. Дмитриева
 Фазан. *Перевод О. Дмитриева*
 Канны в Нукусе. *Перевод О. Дмитриева*
 Родина. *Перевод О. Дмитриева*
 Саксаул. *Перевод С. Северцева*
 Бердаху. *Перевод Р. Казаковой*
 «Апрельской ночью, в ту пору...» *Перевод Р. Казаковой*
 «Если б был я мастером ваянья. . *Перевод Н. Ушакова*
 Сорты (Из цикла сонетов). *Перевод Г. Ярославцева*
 Саарема. *Перевод Н. Ушакова*
 Женщине, кормящей ребенка. *Перевод Р. Казаковой*
 Сердце утешает сердце. *Перевод С. Северцева*
 Смерть жаворонка. *Перевод С. Северцева*
 Нервы. *Перевод Г. Ярославцева*
 Аллея Анны Керн. *Перевод Р. Казаковой*
 Так ярко были звезды в эту ночь... *Перевод Р. Казаковой*
 «О том, как обречен любить поэт...» *Перевод Р. Казаковой*
 Ребенок. *Перевод Р. Казаковой*
 В сумерки из зарослей осоки... *Перевод Р. Казаковой*
 Глаза ящерицы. *Перевод Р. Казаковой*
 «Пусть, как зимняя степь, душа твоя...» *Перевод*
Р.Казаковой.
 «Пропойте песню мне Ажинияза». *Перевод Р.Казаковой.*
 Арба славы. *Перевод Р.Казаковой.*
 Слово о черной шапке. *Перевод Р.Казаковой.*
 Кони. *Перевод Р.Казаковой.*
 Розы пустыни. *Перевод Р.Казаковой.*

ПОЭМЫ

Степные грезы (Романтическая поэма). *Перевод*
М.Луконина.
 Томирис (Массагетская поэма). *Перевод Г. Ярославцева*

Юсупов И.

Ю91 Стихи. Пер. с каракалп. М., «Худож. лит.», 1976.
168 с.

Тонкий лирик, вдохновенный певец природы, поэт высокого гражданского долга — таким предстает в настоящем сборнике один из ведущих поэтов советской Каракалпакии Ибрагим Юсупов. Поэт шагает в ногу со временем, он славит героический труд советского человека, который обновляет мир.

Ибрагим Юсупов

СТИХИ

Редактор *Г. Фальк*

Художественный редактор

В. Горячев

Технический редактор

Л. Витушкина

Корректоры

Г. Володина и Г. Киселева

Сдано в набор 3/1X 1975 г. Подписано, в печать 5/11 1976 г.
Бумага типографская № 1. Формат 84X108 1/64. 2,625 печ. л.
4,41 усл. печ. л. 4,061 + 1 вкл.=4,094 уч.-изд. л. Тираж 10 000
экз. Заказ 922. Цена 52 код.

Издательство

«Художественная литература»

Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская
типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном
комитете Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. Ленинград, Центр,
Красная ул., 1/3.